

ВАСИЛИЙ КЛЮЧЕВСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Василий Осипович Ключевский

Исторические портреты

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=172433
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8

Аннотация

«Преподавателям слово дано не для того, чтобы усыплять свою мысль, а чтобы будить чужую» – в этом афоризме выдающегося русского историка Василия Осиповича Ключевского выразилось его собственное научное кредо. Ключевский был замечательным лектором: чеканность его формулировок, интонационное богатство, лаконичность определений завораживали студентов. Литографии его лекций студенты зачитывали в буквальном смысле до дыр.

«Исторические портреты» В.О.Ключевского – это блестящие характеристики русских князей, монархов, летописцев, священнослужителей, полководцев, дипломатов, святых, деятелей культуры.

Издание основывается на знаменитом лекционном «Курсе русской истории», который уже более столетия демонстрирует научную глубину и художественную силу, подтверждает свою непреходящую ценность, поражает новизной и актуальностью.

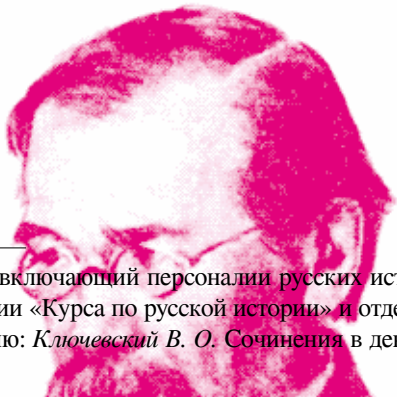
Содержание

Предисловие[1]	5
Правители Русского государства	28
Первые Киевские князья	28
Андрей Боголюбский	40
Иван III	62
Иван Никитич Берсень-Беклемишев и	117
Максим Грек	
Иван Грозный	124
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Василий Осипович Ключевский Исторические портреты

Предисловие¹

**Зачем человек существует
или желает существовать
на свете, или О взгляде
художника на обстановку и
убор изображаемого им лица**

¹ Данный сборник, включающий персоналии русских исторических деятелей, составлен на основании «Курса по русской истории» и отдельных статей автора. Печатается по изданию: *Ключевский В. О. Сочинения в девяти томах. М., 1987. Т. I–IX.*

Человек – главный предмет искусства. Художник изображает его так, как он сам себя выражает или старается выразить. А человек любит выражать, обнаруживать себя. Понятно его побуждение: мы любим понимать себя и стараемся, чтобы и другие понимали нас так же, как мы сами себе представляемся.

Говорят, лицо есть зеркало души. Конечно, так, если зеркало понимать как окно, в которое смотрит на мир человеческая душа и чрез которое на нее смотрит мир. Но у нас много и других средств выражать себя. Голос, склад речи, манеры, прическа, платье, походка, – все, что составляет физиономию и наружность человека. Все это – окна, чрез которые наблюдатели заглядывают в нас, в нашу душевную жизнь. И внешняя обстановка, в какой живет человек, выразительна не менее его наружности. Его платье; фасад дома, который он себе строит; вещи, которыми он окружает себя в своей комнате, – все это говорит про него. И, прежде всего, говорит ему самому, кто он и зачем существует или желает существовать на свете. Человек любит видеть себя вокруг себя и напоминать другим, что он понимает, что он за человек.

Обстановку, какой окружает себя человек дома и в какой он выходит на улицу, вид, в каком он появляется в обществе, художнику необходимо наблюдать и надобно уметь, т. е. привыкнуть наблюдать. На это есть свои правила и приметы. Когда вы входите в кабинет к человеку со средствами, у которого все просто и опрятно, по стенам ни одной картинки,

на столе ни одной фотографии, никакой блестящей безделки и даже лампа какая-то матовая, будьте уверены, что перед вами человек замкнутый, но доброжелательный, очень мало интересующийся вами при первой встрече, но человек с подвижным и сильным воображением, не нуждающимся во внешних возбуждениях, и, по вашему уходе, он мысленно сделает из вас что угодно, вылепит какой угодно идеал, и уж непременно запомнит вас надолго, если только вы оставили в нем сколько-нибудь благоприятное впечатление.

Красная площадь в Москве

Я раз пришел к очень богатому барину. В маленьком кабинете, на антресолях его собственного дома, я заметил несколько худеньких стульев, кожаный сильно просиженный рваный диван, небольшой письменный стол на курьих ножках с озеровидными пятнами на потертом зеленом сукне. Человек в опрятном фраке и безукоризненных белых перчат-

ках на дорогом подносе поставил на стол кофе, и при этом передвинул стоявшие на нем два подсвечника. Тут я заметил, что это были бронзовые подсвечники старинной работы, ценное качество которой без труда почувствовал даже мой несведущий в таких вещах глаз. Мы долго и оживленно говорили о предмете, сильно его занимавшем, он с видимым любопытством меня выслушивал, при прощанье крепко жал мне руку за полученные сведения, а через неделю при встрече в гостях не узнал меня. Есть люди, которые любят щеголять нарядными драгоценными рубищами, чтобы заставить людей запомнить себя, и забывают о собеседнике тотчас, как только расстаются с ним.

Человек украшает то, в чем живет его сердце, во что кладет он свою душу, свои умственные и нравственные усилия. Современный человек, свободный и одинокий, замкнутый в себе и предоставленный самому себе, любит окружать себя дома всеми доступными ему житейскими удобствами, украшать, освещать и согревать свое гнездо. В Древней Руси было иначе. Дома жили непринужденно, кой-как. Домой приходили как будто только поесть и отдохнуть, а работали, мыслили и чувствовали где-то на стороне. Местом лучших чувств и мыслей была церковь. Туда человек нес свой ум и свое сердце, а вместе с ними и свои недостатки. Иностранцы, въезжая в большой древнерусский город, прежде всего, поражались видом многочисленных каменных церквей, внушительно поднимавшихся над темными рядами деревян-

ных домиков, уныло глядевших своими тусклыми слюдяными окнами на улицу или робко выглядывавших своими трубами из-за длинных заборов.

В 1289 г. умирал на Волыни, в местечке Любомли, Владимир Васильевич. Это был очень богатый, могущественный и образованный для своего времени князь, построивший несколько городов и множество церквей, украшавший церкви и монастыри дорогими коваными иконами с жемчугом, серебряными сосудами, золотом шитыми бархатными завесами и книгами в золотых и серебряных окладах. Он умирал от продолжительной и тяжелой болезни, во время которой лежал в своих хоромы на полу на соломе. Или возьмем жившего немного позднее московского князя Ивана Даниловича Калиту. Это был один из самых сильных и богатых князей, если не сильнейший и богачейший князь Северной Руси в начале XIV в., отличавшийся притом большим скопидомством. Между тем, перечисляя в своей первой духовной грамоте (не позднее 1328 г.) наиболее ценную домашнюю движимость, которую он оставлял своим наследникам, он прописывает 12 золотых цепей, 9 поясов золотых и несколько серебряных, женское ожерелье, монисто, 14 женских обручей, чело (женский головной убор. – *Прим. ред.*), гривну, 7 кожухов и кафтанов, золотую шапку, 6 золотых чаш и чар, 17 штук блюд и другой посуды золотой и серебряной и золотую коробочку, – все это, как видите, можно уложить в один порядочный сундук.

Теперь обстановка и убор человека далеко не имеют того значения, какое они имели в старые времена. Современный человек обставляет и убирает себя по своим понятиям и вкусам, по своему взгляду на жизнь и на себя, по той цене, какую он дает самому себе и людскому мнению о себе. Современный человек в своей обстановке и уборе ищет самого себя или показывает себя другим, афиширует, выставляет свою личность и потому заботится о том, чтобы все, чем он себя окружает и убирает, шло ему к лицу. Если исключить редких чудаков, мы обыкновенно стараемся окружить и выставить себя в лучшем виде, показаться себе самим и другим даже лучше, чем мы на самом деле.

Вы скажете: это суетность, тщеславие, притворство. Так, совершенно так. Только позвольте обратить ваше внимание на два очень симпатичные побуждения. Во-первых, стараясь показаться себе самим лучше, чем мы на деле, мы этим обнаруживаем стремление к самоусовершенствованию, показываем, что хотя мы и не то, чем хотим казаться, но желали бы стать тем, чем притворяемся. А во-вторых, этим притворством мы хотим понравиться свету, произвести наилучшее впечатление на общество, т. е. выражаем уважение к людскому мнению, свидетельствуем почтение к ближнему, следовательно, заботимся об умножении удобств и приятностей общежития, стараемся увеличить в нем количество приятных впечатлений.

Видимая суетность и тщеславие становится вспомога-

ным средством или орудием альтруизма. Конечно, мы улыбаемся при виде иной дамы в пожилых годах и с юным сердцем, которая любит рядиться в молодые цвета. Но вы отдадите справедливость ее доброму намерению: скрывая свой пожилой возраст, она ведь отклоняет вас от мысли о неприятности, которая ждет и каждого из вас.

В старые времена личности не позволялось быть столь свободной и откровенной. Лицо тонуло в обществе, сословии, корпорации, семье, должно было своим видом и обстановкой выражать и поддерживать не свои личные чувства, вкусы, взгляды и стремления, а задачи и интересы занимаемого им общественного или государственного положения. Над личными вкусами и понятиями, даже над личными доблестями, царили общеобразовательное приличие, общепризнанный обычай. В настоящее время зачастую встречаешь гимназиста, который идет с выражением Наполеона I или, по меньшей мере, Бисмарка, хотя в кармане у него балльная книжка, где все двойка, двойка и двойка. Встречаешь порой и гимназистку, особенно в очках, что теперь не редкость, которая смотрит императрицей Екатериной II или даже самой Жорж Санд, хотя это просто Машенька Гусева с Зацепы и больше ничего. Теперь такие несвойственные возрасту и положению выражения величия вызывают только веселую улыбку, а в старину они навлекли бы строгое внушение.

В прежние времена положение обязывало и связывало, обстановка, как и самая физиономия человека, в значитель-

ной мере имела значение служебного мундира. Каждый ходил в приличном состоянии костюме, выступал присвоенной званию походкой, смотрел на людей штатным взглядом. Занимал человек властное положение в обществе – он должен был иметь властные жесты, говорить властные слова, глядеть повелительным взглядом, с утра до вечера не скидать с себя торжественного костюма, хотя бы все это было ему тяжело и противно. Родился князем Воротынским – поднимай голову выше и держи себя по-княжески, по-воротынски, а стал монахом – так и складывай смиренно руки на груди и береги глаза, опускай их долу, а не рассыпай по встречным и поперечным. Словом, «назвался груздем, так полезай в кузов».

Когда древнерусский боярин в широком охабне и высокой горлатной шапке выезжал со двора верхом на богато убранном ногойском аргамеке, чтобы ехать в Кремль челом ударить государю, всякий встречный человек меньшего чину, по костюму, посадке и самой физиономии всадника, видел, что это действительно боярин, и кланялся ему до земли или в землю, как требовал обычай, потому что ведь он – «столп, за который весь мир держится», – как однажды выразился про родовитых бояр знаменитый, но неродовитый князь Пожарский. Появись он на улице кой-как, запросто, в растрепанном виде, с легкомысленными, смеющимися глазами, он только неприятно смутил бы встречных, как смутились бы молящиеся в соборном храме, если бы, при полном празд-

ничном освещении, среди всего церковного благолепия, из Царских дверей вышел владыка-митрополит в рубище и с улыбкой на устах.

Припоминаю один давний случай. Давали благотворительный концерт с участием какой-то дивы и с очень повышенными ценами. В первом ряду сидел в блестящих мундирах, фраках и туалетах цвет местного общества. К распорядителю, принимавшему у входа билеты, подходит скромно одетая и со скромным видом дама и подает один из первых номеров. Подозрительный и неловкий распорядитель посмотрел на билет, потом на даму, потом опять на билет и имел неосторожность спросить: «Позвольте узнать, как ваша фамилия?» – «Княгиня такая-то», – тихо ответила дама, выговорив такую фамилию, от которой у распорядителя зарябило в глазах, и он, растерянно извиняясь, повел ее к первому ряду, который встал весь при ее появлении.

В старые времена житейская обстановка предотвращала подобные недоразумения. Отдельные лица прятались за типами; внешними признаками резко отмечались и различались целые классы людей, общественные состояния, а классы, состояния рассматривались не как простые случайности рождения или капризы счастья, а как естественные нормы жизни или предначертания всем правящей всевышней десницы: кому что на роду написано, судьба.

Если вы потрудитесь вникнуть в логику такого исторического разума гения, который строил формы и отношения

людского общежития, вам не покажутся странными некоторые явления старинной русской жизни, с которыми вы можете встретиться, изучая русские исторические памятники для своих художественных композиций. Столь известная в истории раскола, небезызвестная в русской живописи Федосья Прокофьевна Морозова, урожденная Соковнина, была большая московская боярыня времен царя Алексея Михайловича. Она была замужем за родным братом боярина Бориса Ивановича Морозова, воспитателя и свояка этого царя, и обладала огромным богатством: у ней было 8 тыс. душ крестьян; дома ей прислуживало человек 300 челяди. В доме у нее всякого добра было больше чем на два с половиной миллиона рублей на нынешние деньги. После, когда ей пришлось встать за благочестие, хотя и ложно понятое, что она считала старой истинной верой, двуперстие и сугубую аллилуйю, она показала, как она мало дорожит всеми дарованными ей житейскими благами, и честью при дворе, и золоченой кроватью дома, не побоялась ни допросов, ни сырого боровского подземелья, куда ее посадили. А посмотрите, как она, оставшись молодой вдовой, в «смирном образе», по-нашему в трауре, выезжала из дома: ее сажали в дорогую карету, украшенную серебром и мозаикой, в шесть или двенадцать лошадей, с гремучими цепями. За нею шло слуг, рабов и рабынь человек со сто, а при особенно торжественном поезде – с двести и с триста, оберегая честь и здоровье своей государыни-матушки. Царица ассирийская, да и только, скажете

вы, – раба суеверного и тщеславно пышного века! Хорошо.

В. Суриков. Боярыня Морозова

Перейдем к концу XVIII столетия, в век Вольтера, Руссо и императрицы Екатерины II, эпоху разума, свободы, равенства и естественной простоты, когда под горячими лучами разгоревшейся человеческой мысли таяли людские суеверия и предрассудки. Вице-канцлер Екатерины II граф Иван Андреевич Остерман был сын любимца Петра Великого, барона Андрея Ивановича Остермана. Этот вице-канцлер был образованный, неглупый и богатый дипломат, в домашней жизни не любил роскоши, держал себя важно, но без гордости. На Святой неделе, когда в Петербурге бывало народное гулянье с качелями, он любил поглядеть, как веселится народ. Посмотрите, в какой обстановке появлялся он на гульбище. Он приезжал один в одноместной позолоченной каре-

те с большими стеклами, точно фонарь, на шестерке белых лошадей; на запятках стояли два гайдука в голубых епанчах, из-под которых выглядывали казакины с серебряными шнурами, а на головах высокие картузы с перьями и с серебряными бляхами на лицевой стороне, на которых виден был именной вензель господина; перед лошадьми шли два скорохода с булавами в руках, в нарядных костюмах, в щегольских чулках и башмаках, какая бы ни была слякоть. Ныне появление в такой обстановке придало бы народному гулянию характер публичного маскарада под открытым небом и было бы встречено веселым хохотом. Сто лет назад эту процессию столичная толпа встречала с обнаженными головами и почтительным шепотом: «Его сиятельство граф Остерман едет!»»

В. Васнецов. Три девицы

Конечно, и в современной жизни много условного, ненужного для прямых целей общежития, но удобного для прикрытия его недостатков. Люди, которым приходится выдаться, но не о чем говорить, поневоле говорят о политике и погоде, чтобы не смотреть молча в глаза друг другу. Но эти условности, еще удержавшиеся в жизни по привычке или необходимости, эти переживания быстро теряют свою обязательность в общем сознании или в общественном мнении. Все более торжествует мысль, что каждый имеет право быть самим собой, если не мешает другим быть тем же и не производит общего затруднения. Мы улыбнемся при виде воро-

ны в павлиньих перьях, но едва ли осудим ее в душе – за что? Если она умеет носить их прилично, и не задевая ими простых неукрашенных ворон. В старые времена, при других понятиях и нравах, такая своеобычность была менее удобна и, во-первых, не совсем безопасна. Общественное мнение было более завистливо и нетерпимо, не выносило ничего выдающегося, незаурядного, своеобразного. Будь как все, шагай в ногу со всеми – таково было общее правило.

Известно, что в Древней Руси дамы любили белиться и румяниться. Может быть, в этом обычае был свой смысл: он делал красивых менее красивыми, а дурных приближал к красивым и, таким образом, сглаживал произвол судьбы в неравномерном распределении даров природы. Если так, то обычай имел просветительно-благотворительную цель, заставляя счастливо одаренных поступаться долей полученных даров в пользу обездоленных. Но духовенство не благоволило к обычаю, подозревая в нем иные, худшие побуждения. Однако были софисты, которые замысловато оправдывали этот обычай.

Вот что случилось в 1653 г. в доме муромского воеводы. В праздник собрались к нему гости. Пришел и протопоп Логгин и, благословляя хозяйку, спросил: не белишься ли? Гости вместе с хозяином подхватили это слово и накинулись на батюшку. Так что же, что белится? Ты, протопоп, белила хулишь, а ведь без белил и образов не пишут. Рассерженный отец Логгин жестко возразил: «Да если таким соста-

вом, каким иконы пишутся, ваши рожи намазать, так всем это, пожалуй, и не понравится». Однако от воеводы полетел в Москву донос к патриарху, что-де муромский протопоп Логгин хулит иконы.

Один иноземец, бывший в Москве при царе Михаиле, рассказывает, что одна красивая московская боярыня не хотела белиться и румяниться. Тогда все дамы боярского круга взъелись на нее: «Она осрамить нас вздумала: я-де солнце, а вы оставайтесь тусклыми свечками при солнечном сиянии», и чрез мужей заставили-таки красавицу подчиниться обычаю: гори-де и ты, подобно нам, тусклой свечкой при солнечном сиянии. Будь как все, шагай в ногу со всеми.

Вот характерная нравоописательная картинка из записок известного московского подьячего времен царя Алексея Михайловича. «В домах своих живут они, смотря по чину и общественному весу каждого, вообще же без особенных удобств. Малочиновному приказному человеку нельзя построить хорошего дома. Оболгут перед царем, что-де взяточник, мздоимец, казнокрад, и много хлопот наделают тому человеку, пошлют на службу, которой исполнить нельзя, инструкцию такую напишут, что ничего не поймешь, и непременно упекут под суд, а там – батоги и казенное взыскание, продажа движимого и недвижимого с публичного торга. А ежели торговый человек или крестьянин необычно хорошо обстроится, ему податей навалят. И потому, – заключает Котошихин, – люди Московского государства домами живут

негораздо устроенными и города и слободы у них неблагоустроенные же».

Впрочем, свобода убора и обстановки стеснялась не одной людской зависимостью, но и соображениями благочиния и благоустройства. При тогдашних нравах свобода могла повести и приводила к вредным излишествам и чудачествам, рассказами о которых так обильны наши предания о добрых старых временах. Правительство тогда считало своим долгом отечески опекать подданных и во имя общественной дисциплины вмешиваться в их частную жизнь. У нас, как и в других странах, к этой цели было направлено целое законодательство о платье и роскоши. Еще в прошедшем столетии у нас запрещался ввоз из-за границы некоторых дорогих материй и других предметов роскоши. Закон хотел сделать из людской слабости поощрение к труду, образованию и общественному служению, из личной суетности и тщеславия – средство общественного порядка, щегольство превратить в стимул гражданского чувства. Обстановка должна была стать не просто выставкой богатства, но и отметкой общественного положения, социального распорядка лиц, знаком отличия за умение вести дела и за заслуги обществу и государству.

Хочешь блеснуть перед людьми, доставить себе удовольствие, кольнуть их завистливые глаза своей персоной, ливреей лакея или упряжкой – приобрети на это установленный патент трудолюбием и искусством. Да и делай это разумно

и осторожно, чтобы люди не посмеялись и над тобой, и над тем, кто патентовал тебе привилегию колоть им глаза своей персоной или упряжкой.

Раскройте жалованную грамоту императрицы Екатерины II на права и выгоды городам Российской империи: вы найдете там ряд статей о том, как могли по закону выезжать люди разных городских состояний. Городское население по грамоте делилось на именитых граждан, купечество трех гильдий, цеховых ремесленников и простых рабочих. Эти звания приобретались городской общественной службой, образованием, искусством и размером капитала, т. е. величиной платимого с него в казну процентного сбора, значит, трудолюбием, талантом, услугами обществу и государству.

Грамота прямо говорит, что «название городских обывателей есть следствие трудолюбия и добронравия, чем и приобрели отличное состояние». Так к высшему состоянию именитых граждан причислились, наравне с крупнейшими капиталистами, ученые, имеющие академические или университетские аттестаты, художники четырех художеств, именно: архитекторы, живописцы, скульпторы и музыкосочинители, также с академическими аттестатами «и по испытаниям главных российских училищ признанные таковыми». И вот что мы читаем в грамоте о правах выезда для лиц высших городских состояний: «Именитым гражданам дозволяется ездить по городу в карете парою и четвернею; купцам первой гильдии дозволяется ездить по городу в карете толь-

ко парю, купцам второй – в коляске парю, третьей же гильдии запрещается ездить в карете и впрягать зимою и летом больше одной лошади; то же и цеховым ремесленникам или мещанам».

Но довольно, господа! Теперь подсчитаем, до чего мы договорились. Я обещал сказать вам свое мнение о том, как надобно художнику смотреть на обстановку и убор изображаемых им лиц. Этот взгляд устанавливается различным значением обстановки и убора в прежние времена и теперь, иначе говоря, историческим значением этих житейских подробностей. Это различие, в свою очередь, зависит от неодинакового отношения лица к обществу теперь и в прежние времена. Теперь человек старается сознавать и чувствовать себя свободной цельной единицей общества, которая живет для себя и даже свою деятельность на пользу общества рассматривает как свободное проявление своей личной потребности быть полезным для других.

Согласно с этим., он подбирает себе, разумеется, в пределах своих средств, обстановку и убор по своим личным вкусам и понятиям, по своему взгляду на жизнь, на людей и на себя. Все, что мы видим на современном человеке и около него, – есть его автобиография и самохарактеристика, так сказать. Мода, общепринятый обычай, общеобязательное приличие указывают только границы личного вкуса и произвола. Прежде лицо тонуло в обществе, было дробной величиной «мира», жило одной с ним жизнью, мыслило

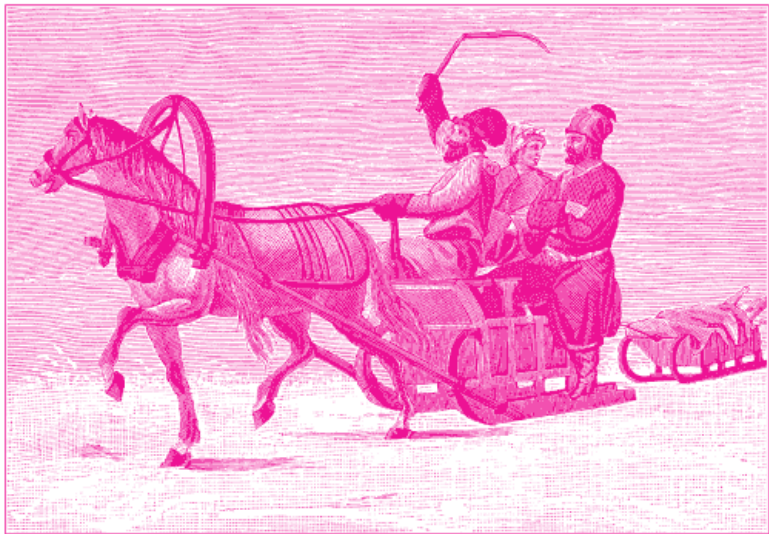
его общими мыслями, чувствовало его мирскими чувствами, разделяло его повальные вкусы и оптовые понятия, не умея выработать своих особых, личных, розничных, и ему позволялось быть самим собой лишь настолько, насколько это необходимо было для того, чтобы помочь ему жить как все, чтобы поддержать энергию его личного участия в хоровой гармонии жизни или в трудолюбиво-автоматическом жужжании пчелиного улья.

Люди прежних времен умели быть эгоистами не хуже нас, даже бывали чудаками и самодурами, какими не сумеем стать мы; но они менее нас умели быть оригинальными, без странностей, своеобразными и самобытными, без неудобных чудачеств, без потребности в полицейском надзоре. Потому в своей житейской обстановке, как и в своем наружном уборе, они были столь же мало своеобразны и изобретательны, как в своих чувствах и вкусах, повторяли общепринятые завитки, цвета и покрои, исторически сложившиеся, отцами и дедами завещанные.

Моды в России в 1791 г.

Теперь обстановка есть характеристика личного настроения и положения человека, его средств и взгляда на свое отношение к обществу. Прежде она была выставкой его общественного положения, выражением не его взгляда на свое отношение к обществу, а взгляда общества на его общественное положение и значение. Ныне обставляет и держит себя, как сам себя понимает, а прежде – как его понимали другие, т. е. общество, в котором он жил. Отсюда следует, что, изображая современного человека, вы, разумеется, в указанных пределах общепризнаваемого обычая и приличия, можете придумывать своему герою какую угодно обстановку, платье и прическу, лишь бы все это верно выражало его своеобразный характер, можете быть для него и портными и парикмахерами, только оставаясь художниками и психологами. Но в изображении стародавних людей художник обязан быть историком, окружать и убирать его, как тогда все себя окружали и убирали, хотя бы это окружение и этот убор и не согласовались с характером изображаемого лица.

Извозчичьи сани в конце XVIII в.

С гравюры Шефнера. XVIII в.

Правители Русского государства

Первые Киевские князья

Мы старались рассмотреть факт, скрытый в рассказе Начальной летописи о первых киевских князьях, который можно было бы признать началом Русского государства. Мы нашли, что сущность этого факта такова: приблизительно к половине IX в. внешние и внутренние отношения в торгово-промышленном мире русских городов сложились в такую комбинацию, в силу которой охрана границ страны и ее внешней торговли стала их общим интересом, подчинившим их князю Киевскому и сделавшим Киевское варяжское княжество зерном Русского государства. Этот факт надобно относить ко второй половине IX в.: точнее я не решаюсь обозначить его время.

Направление деятельности. Общий интерес, создавший великое княжество Киевское, охрана границ и внешней торговли, направлял и его дальнейшее развитие, руководил как внутренней, так и внешней деятельностью первых киевских князей. Читая начальный летописный свод, встречаем ряд полуисторических и полусказочных преданий, в которых историческая правда сквозит чрез прозрачную ткань поэтической саги. Эти предания повествуют о князьях Киевских

IX и X вв. – Олеге, Игоре, Святославе, Ярополке, Владимире. Вслушиваясь в эти смутные предания, без особенных критических усилий можно уловить основные побуждения, которые направляли деятельность этих князей.

Покорение восточного славянства. Киев не мог остаться стольным городом одного из местных варяжских княжеств: он имел общерусское значение как узловой пункт торгово-промышленного движения и потому стал центром политического объединения всей земли. Деятельность Аскольда, по-видимому, ограничивалась ограждением внешней безопасности Киевской области: из летописи не видно, чтобы он покорил какое-либо из околных племен, от которых оборонял своих полян, хотя слова Фотия о Росе, возгордившемся порабощением окрестных племен, как будто намекают на это.

Первым делом Олега в Киеве летопись выставляет расширение владений, собирание восточного славянства под свою власть. Летопись ведет это дело с подозрительной последовательностью, присоединяя к Киеву по одному племени ежегодно. Олег занял Киев в 882 г.; в 883 г. были покорены древляне, в 884 г. – северяне, в 885 г. – радимичи; после того длинный ряд лет оставлен пустым. Очевидно, это порядок летописных воспоминаний или соображений, а не самых событий. К началу XI в. все племена восточных славян были приведены под руку киевского князя; вместе с тем племенные названия появляются все реже, заменяясь областными

по именам главных городов. Расширяя свои владения, князя Киевские устанавливали в подвластных странах государственный порядок, прежде всего, разумеется, администрацию налогов.

Старые городские области послужили готовым основанием административного деления земли. В подчиненных городских областях по городам Чернигову, Смоленску и др. князя сажали своих наместников, посадников, которыми были либо их наемные дружинники, либо собственные сыновья и родственники. Эти наместники имели свои дружины, особые вооруженные отряды, действовали довольно независимо, стояли лишь в слабой связи с государственным центром, с Киевом, были такие же конинги, как и князь Киевский, который считался только старшим между ними и в этом смысле назывался «великим князем русским», в отличие от князей местных, наместников. Для увеличения важности киевского князя и эти наместники его в дипломатических документах величались «великими князьями». Так, по предварительному договору с греками 907 г., Олег потребовал «укладов» на русские города Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и другие города, «по тем бо городом седяху велиции князи, под Олгом суще». Это были еще варяжские княжества, только союзные с Киевским: князь сохранял тогда прежнее военно-дружинное значение, не успев еще получить значения династического.

Генеалогическое пререкание, какое затеял под Киевом

Олег, упрекая Аскольда и Дира за то, что они княжили в Киеве, не будучи князьями, «ни рода княжа», – притязание Олега, предупреждавшее ход событий, а еще вероятнее – такое же домышление самого составителя летописного свода. Некоторые из наместников, покорив то или другое племя, получали его от киевского князя в управление с правом собирать с него дань в свою пользу, подобно тому как на Западе в IX в. датские викинги, захватив ту или другую приморскую область империи Карла Великого, получали ее от франкских королей в лен, т. е. в кормление. Игорев воевода Свенельд, победив славянское племя улучей, обитавшее по Нижнему Днепру, получал в свою пользу дань не только с этого племени, но и с древлян, так что его дружина, отроки, жила богаче дружины самого Игоря.

Охрана торговых путей. Другую заботой киевских князей была поддержка и охрана торговых путей, которые вели к заморским рынкам. С появлением печенегов в южнорусских степях это стало очень трудным делом. Тот же император Константин, описывая торговые плавания Руси в Царьград, ярко рисует затруднения и опасности, какие приходилось ей преодолевать на своем пути. Собранный пониже Киева, под Витичевом, караван княжеских, боярских и купеческих лодок в июне отправлялся в путь. Днепровские пороги представляли ему первое и самое тяжелое препятствие.

Вы знаете, что между Екатеринославом и Александровском, там, где Днепр делает большой и крутой изгиб к восто-

ку, он на протяжении 70 верст пересекается отрогами Авра- тынских возвышенностей, которые и заставляют его делать этот изгиб. Отроги эти принимают здесь различные формы. По берегам Днепра рассеяны огромные скалы в виде отдельных гор. Самые берега поднимаются отвесными утесами высотой до 35 саженей над уровнем воды и сжимают широкую реку; русло ее загромождается скалистыми островами и перегораживается широкими грядами камней, выступающих из воды заостренными или закругленными верхушками. Если такая гряда сплошь загораживает реку от берега до берега, это – *порог*; гряды, оставляющие проход судам, называются *заборами*. Ширина порогов по течению – до 150 саженей; один тянется даже на 350 саженей. Скорость течения реки вне порогов – не более 25 саженей в минуту, в порогах – до 150 саженей. Вода, ударяясь о камни и скалы, несетя с шумом и широким волнением. Значительных порогов теперь считают до десяти, во времена Константина Багрянородного считалось до семи. Небольшие размеры русских однодеревок облегчали им прохождение порогов.

Днепровские пороги

Мимо одних Русь, высадив челядь на берег, шестами проталкивала свои лодки, выбирая в реке вблизи берега места, где было поменьше камней. Перед другими, более опасными, она высаживала на берег и выдвигала в степь вооруженный отряд для охраны каравана от поджидавших его печенегов, вытаскивала из реки лодки с товарами и тащила их волоком или несла на плечах и гнала скованную челядь. Выбравшись благополучно из порогов и принеся благодарственные жертвы своим богам, она спускалась в днепровский лиман, отдыхала несколько дней на острове Св. Елев-

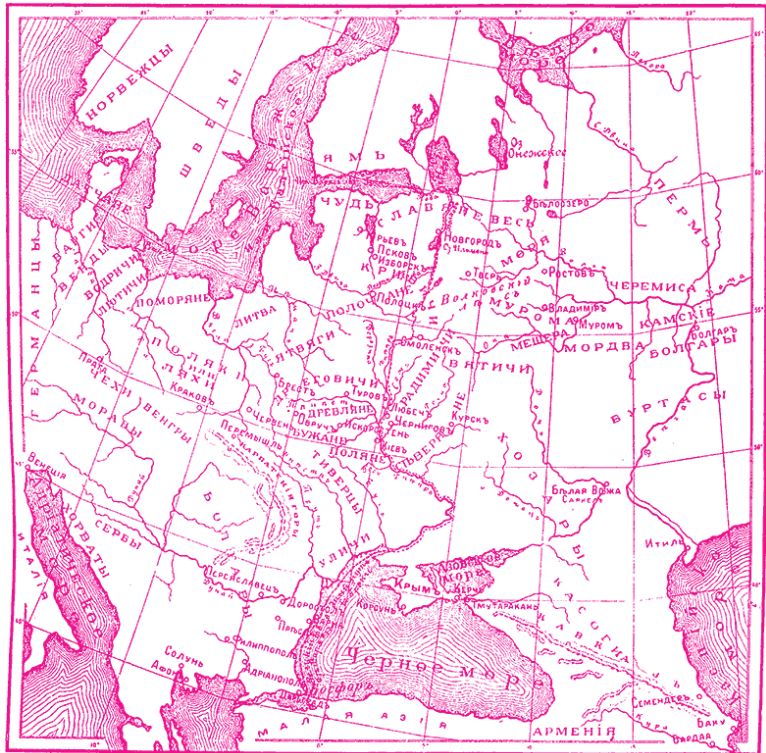
ферия (ныне Березань), исправляла судовые снасти, готовясь к морскому плаванию, и, держась берега, направлялась к устьям Дуная, все время преследуемая печенегами. Когда волны прибивали лодки к берегу, руссы высаживались, чтобы защитить товарищей от подстерегавших их преследователей. Дальнейший путь от устьев Дуная был безопасен.

Читая подробное описание этих цареградских поездок Руси у императора, живо чувствуешь, как нужна была русской торговле вооруженная охрана при движении русских купцов к их заморским рынкам. Недаром Константин заканчивает свой рассказ замечанием, что это – мучительное плавание, исполненное невзгод и опасностей.

Оборона степных границ. Но, засаривая степные дороги русской торговли, кочевники беспокоили и степные границы Русской земли. Отсюда третья забота киевских князей – ограждать и оборонять пределы Руси от степных варваров. С течением времени это дело становится даже господствующим в деятельности киевских князей вследствие все усиливавшегося напора степных кочевников.

Олег, по рассказу «Повести временных лет», как только утвердился в Киеве, начал города ставить вокруг него. Владимир, став христианином, сказал: «Худо, что мало городов около Киева», – и начал строить города по Десне, Трубежу, Стугне, Суле и другим рекам. Эти укрепленные пункты заселялись боевыми людьми, «мужами лучшими», по выражению летописи, которые вербовались из разных племен, сла-

вянских и финских, населявших русскую равнину. С течением времени эти укрепленные места соединялись между собою земляными валами и лесными засеками. Так, по южным и юго-восточным границам тогдашней Руси, на правой и левой стороне Днепра, выведены были в X и XI вв. ряды земляных окопов и сторожевых «застав», городков, чтобы сдерживать нападения кочевников. Все княжение Владимира Святого прошло в упорной борьбе с печенегами, которые раскинулись по обеим сторонам Нижнего Днепра восьмью ордами, делившимися каждая на пять колен.

Карта Русской земли в IX веке

Около половины X в., по свидетельству Константина Багрянородного, печенеги кочевали на расстоянии одного дня пути от Руси, т. е. от Киевской области. Если Владимир строил города по р. Стугне (правый приток Днепра), значит, укрепленная южная степная граница Киевской земли шла по

этой реке на расстоянии не более одного дня пути от Киева. В начале XI в. встречаем указание на успех борьбы Руси со степью. В 1006–1007 гг. через Киев проезжал немецкий миссионер Бруно, направляясь к печенегам для проповеди Евангелия. Он остановился погостить у князя Владимира, которого в письме к императору Генриху II называет сеньором Руссов (*senior Ruzogum*).

Князь Владимир уговаривал миссионера не ездить к печенегам, говоря, что у них он не найдет душ для спасения, а скорее сам погибнет позорною смертью. Князь не мог уговорить Бруно и вызвался проводить его со своей дружиной (*cum exercitu*) до границ своей земли, «которые он со всех сторон оградил крепким частоколом на весьма большом протяжении по причине скитающихся около них неприятелей». В одном месте князь Владимир провел немцев воротами чрез эту линию укреплений и, остановившись на сторожевом степном холме, послал сказать им: «Вот я довел вас до места, где кончается моя земля и начинается неприятельская». Весь этот путь от Киева до укрепленной границы пройден был в два дня.

Мы заметили выше, что в половине X в. линия укреплений по южной границе шла на расстоянии одного дня пути от Киева. Значит, в продолжение полувековой упорной борьбы при Владимире, Русь успела пробиться в степь на один день пути, т. е. передвинуть укрепленную границу на линию реки Роси, где преемник Владимира Ярослав «поча ставити го-

роды», населяя их пленными ляхами. Так первые киевские князья продолжали начавшуюся еще до них деятельность вооруженных торговых городов Руси, поддерживая сношения с приморскими рынками, охраняя торговые пути и границы Руси от степных ее соседей.

Население и пределы Русской земли в XI в. Описавши деятельность первых киевских князей, сведем ее результаты, бросим беглый взгляд на состояние Руси около половины XI в. Своим мечом первые киевские князья очертили довольно широкий круг земель, политическим центром которых был Киев. Население этой территории было довольно пестрое. В состав его постепенно вошли не только все восточные славянские племена, но и некоторые из финских: чудь прибалтийская, весь белозерская, меря ростовская и мурома по Нижней Оке. Среди этих инородческих племен рано появились русские города. Так, среди прибалтийской чуды при Ярославе возник Юрьев (Дерпт), названный так по христианскому имени Ярослава; еще раньше являются правительственные русские средоточия среди финских племен на востоке, среди муромы, мери и веси, – Муром, Ростов и Белозерск. Ярослав построил еще на берегу Волги город, названный по его княжескому имени Ярославлем.

Русская территория, таким образом, простиралась от Ладожского озера до устьев реки Роси, правого притока Днепра, и Ворсклы или Пела, левых притоков; с востока на запад она шла от устья Клязьмы, на которой при Владимире Мо-

номахе возник город Владимир (Залесский), до области верховьев Западного Буга, где еще раньше, при Владимире Святом, возник другой город – Владимир (Волынский). Страна древних хорватов Галиция была в X и XI вв. спорным краем, переходившим между Польшей и Русью из рук в руки. Нижнее течение реки Оки, которая была восточной границей Руси, и низовья южных рек – Днепра, Восточного Буга и Днестра – находились, по-видимому, вне власти киевского князя. В стороне Русь удерживала еще за собой старую колонию Тьмутарокань, связь с которой поддерживалась водными путями по левым притокам Днепра и рекам Азовского моря.

Андрей Боголюбский

Войска Андрея Боголюбского, после взятия приступом и разграбления Киева, уводят из города пленных.

Из Царственного летописца

Обращаясь к изучению политических следствий русской колонизации Верхнего Поволжья, будем постоянно помнить, что мы изучаем самые ранние и глубокие основы государственного порядка, который предстанет пред нами в следующем периоде. Я теперь же укажу эти основы, чтобы вам удобнее было следить за тем, как они вырабатывались и закладывались в подготовлявшийся новый порядок. Во-первых,

государственный центр Верхнего Поволжья, долго блуждавший между Ростовом, Суздалем, Владимиром и Тверью, наконец утверждается на реке Москве. Потом, в лице московского князя, получает полное выражение новый владетельный тип, созданный усилиями многочисленных удельных князей Северной Руси. Это князь-вотчинник, наследственный оседлый землевладелец, сменивший своего южного предка, князя-родича, подвижного очередного соправителя Русской земли. Этот новый владетельный тип и стал коренным и самым деятельным элементом в составе власти московского государя. Переходим к обзору фактов, в которых медленно и постепенно проявлялись обе основы и новый политический тип, а потом и новый государственный центр.

Политические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья начали обнаруживаться уже при сыне того суздальского князя, в княжение которого шел усиленный ее прилив, при Андрее Боголюбском. Сам этот князь Андрей является крупной фигурой, на которой наглядно отразилось действие колонизации. Отец его, Юрий Долгорукий, один из младших сыновей Мономаха, был первый в непрерывном ряду князей Ростовской области, которая при нем и обособилась в отдельное княжество: до того времени это чудское захолустье служило прибавкой к южному княжеству Переяславскому. Здесь, на севере, кажется, и родился князь Андрей в 1111 г.

Это был настоящий северный князь, истый суздалец-залешанин по своим привычкам и понятиям, своему политическому воспитанию. На севере прожил он большую половину своей жизни, совсем не выдавши юга. Отец дал ему в управление Владимир на Клязьме, маленький, недавно возникший суздальский пригород, и там Андрей прокняжил далеко за тридцать лет своей жизни, не побывав в Киеве. Южная, как и северная, летопись молчит о нем до начала шумной борьбы, которая завязалась между его отцом и двоюродным братом Изяславом Волынским с 1146 г. Андрей появляется на юге впервые не раньше 1149 г., когда Юрий, восторжествовав над племянником, уселся на киевском столе. С тех пор и заговорила об Андрее Южная Русь, и южнорусская летопись сообщает несколько рассказов, живо рисующих его физиономию.

Андрей скоро выделился из толпы тогдашних южных князей особенностями своего личного характера и своих политических отношений. Он в боевой удали не уступал своему удалому сопернику Изяславу, любил забываться в разгаре сечи, заноситься в самую опасную свалку, не замечал, как с него сбивали шлем. Все это было очень обычно на юге, где постоянные внешние опасности и усобицы развивали удалство в князьях, но совсем не было обычно умение Андрея быстро отрезвляться от воинственного опьянения. Тотчас после горячего боя он становился осторожным, благоразумным политиком, осмотрительным распорядителем.

У Андрея всегда все было в порядке и наготове; его нельзя было захватить врасплох; он умел не терять головы среди общего переполоха. Привычкой ежеминутно быть настороже и всюду вносить порядок он напоминал своего деда – Владимира Мономаха.

Несмотря на свою боевую удачу, Андрей не любил войны и после удачного боя первый подступал к отцу с просьбой мириться с побитым врагом. Южнорусский летописец с удивлением отмечает в нем эту черту характера, говоря: «Не величав был Андрей на ратный чин», т. е. не любил величаться боевой доблестью, но ждал похвалы лишь от Бога. Точно так же Андрей совсем не разделял страсти своего отца к Киеву, был вполне равнодушен к *матери городов русских* и ко всей Южной Руси. Когда в 1151 г. Юрий был побежден Изяславом, он плакал горькими слезами, жалея, что ему приходится расстаться с Киевом. Дело было к осени. Андрей сказал отцу: «Нам теперь, батюшка, здесь делать больше нечего, уйдем-ка отсюда затепло» (пока тепло). По смерти Изяслава, в 1154 г. Юрий прочно уселся на киевском столе и просидел до самой смерти в 1157 г. Самого надежного из своих сыновей, Андрея, он посадил у себя под руку в Вышгороде близ Киева, но Андрею не жилось на юге. Не спросившись отца, он тихонько ушел на свой родной суздальский север, захватив с собой из Вышгорода принесенную из Греции чудотворную икону Божьей Матери, которая стала потом главной святыней Суздальской земли под име-

нем Владимирской.

Один позднейший летописный свод так объясняет этот поступок Андрея: «Смущался князь Андрей, видя нестрое-ние своей братии, племянников и всех сродников своих: вечно они в мятеже и волнении, все добиваясь великого княжения Киевского, ни у кого из них ни с кем мира нет, и оттого все княжения запустили, а со стороны степи все половцы выпленили; скорбел об этом много князь Андрей в тайне своего сердца и, не сказавшись отцу, решился уйти к себе в Ростов и Суздаль – там-де поспокойнее».

По смерти Юрия на киевском столе сменилось несколько князей и, наконец, уселся сын Юрьева соперника, Андрей двоюродный племянник Мстислав Изяславич Волинский. Андрей, считая себя старшим, выждал удобную минуту и послал на юг с сыном суздальское ополчение, к которому там присоединились полки многих других князей, недовольных Мстиславом. Союзники взяли Киев копьем и на щит, приступом, и разграбили его (1169). Победители, по рассказу летописца, не щадили ничего в Киеве, ни храмов, ни жен, ни детей. Были тогда в Киеве на всех людях стон и туга, скорбь неутешная и слезы непрестанные. Но Андрей, взяв Киев своими полками, не поехал туда сесть на стол отца и деда. Киев был отдан младшему Андрееву брату Глебу. Андреевич, посадивши дядю в Киеве, с полками своими ушел домой к отцу на север «с честью и славою великою», – замечает северный летописец, и «с проклятием», – добавляет летописец

южный.

Новые черты междукняжеских отношений. Никогда еще не бывало такой беды с матерью городов русских. Разграбление Киева своими было резким проявлением его упадка, как земского и культурного средоточия. Видно было, что политическая жизнь текла параллельно с народной и даже вслед за нею, по ее руслу. Северный князь только что начал ломать южные княжеские понятия и отношения, унаследованные от отцов и дедов, а глубокий перелом в жизни самой земли уже чувствовался больно, разрыв народности обозначился кровавой полосой, отчуждение между северными переселенцами и покинутой ими южной родиной было уже готовым фактом. За 12 лет до киевского погрома 1169 г., тотчас по смерти Юрия Долгорукого, в Киевской земле избивали приведенных им туда суздальцев по городам и по селам.

По смерти брата Глеба, Андрей отдал Киевскую землю своим смоленским племянникам Ростиславичам. Старший из них, Роман, сел в Киеве, младшие его братья, Давид и Мстислав, поместились в ближайших городах. Сам Андрей носил звание великого князя, живя на своем суздальском севере. Но Ростиславичи раз показали неповиновение Андрею, и тот послал к ним посла с грозным приказанием: «Не ходишь ты, Роман, в моей воле со своей братией, так пошел вон из Киева, ты, Мстислав, вон из Белгорода, а ты, Давид, вон из Вышгорода; ступайте все в Смоленск и делитесь там как зна-

ете». В первый раз великий князь, названный отец для младшей братии, обращался так не по-отечески и не по-братски со своими родичами. Эту перемену в обращении с особенной горечью почувствовал младший и лучший из Ростиславичей, Мстислав Храбрый. Он в ответ на повторенное требование Андрея остриг бороду и голову Андрееву послу и отпустил его назад, велел сказать Андрею: «Мы до сих пор признавали тебя отцом своим по любви; но если ты посылаешь к нам с такими речами не как к князьям, а как к подручникам и простым людям, то делай, что задумал, а нас Бог рассудит». Так в первый раз произнесено было в княжеской среде новое политическое слово «подручник», т. е. впервые сделана была попытка заменить неопределенные, полюбовные родственные отношения князей по старшинству обязательным подчинением младших старшему, политическим их подданством наряду с простыми людьми.

Обособление Суздальского великокняжества. Таков ряд необычных явлений, обнаружившихся в отношениях Андрея Боголюбского к Южной Руси и другим князьям. До сих пор звание старшего великого князя нераздельно соединено было с обладанием старшим киевским столом. Князь, признанный старшим среди родичей, обыкновенно садился в Киеве. Князь, сидевший в Киеве, обыкновенно признавался старшим среди родичей: таков был порядок, считавшийся правильным. Андрей впервые отделил старшинство от места: заставив признать себя великим князем всей Русской

земли, он не покинул своей Суздальской волости и не поехал в Киев, сесть на стол отца и деда. Известное словцо Изяслава о голове, идущей к месту, получило неожиданное применение: наперекор обычному стремлению младших голов к старшим местам, теперь старшая голова добровольно остается на младшем месте.

Таким образом, княжеское старшинство, оторвавшись от места, получило личное значение, и как будто мелькнула мысль придать ему авторитет верховной власти. Вместе с этим изменилось и положение Суздальской области среди других областей Русской земли, и ее князь стал в небывалое к ней отношение. До сих пор князь, который достигал старшинства и садился на киевском столе, обыкновенно покидал свою прежнюю волость, передавая ее по очереди другому владельцу. Каждая княжеская волость была временным, очередным владением известного князя, оставаясь родовым, не личным достоянием. Андрей, став великим князем, не покинул своей Суздальской области, которая вследствие того утратила родовое значение, получив характер личного неотъемлемого достояния одного князя, и таким образом вышла из круга русских областей, владеемых по очереди старшинства.

Нищелюбие Андрея Боголюбского.

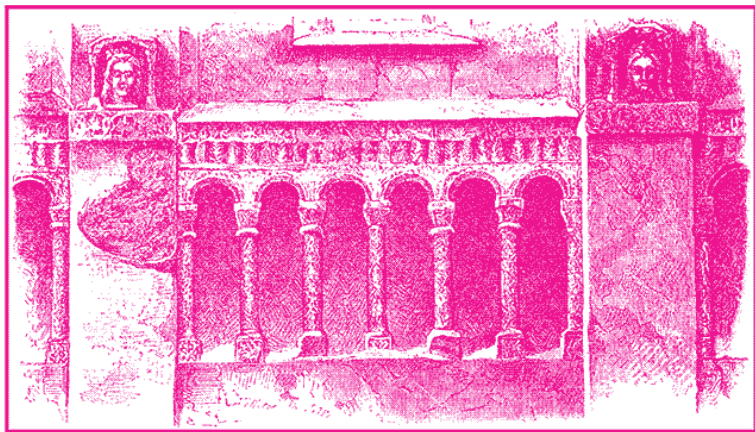
Из Царственного летописца

Таков ряд новых явлений, обнаружившихся в деятельности Андрея по отношению к Южной Руси и к другим князьям: эта деятельность была попыткой произвести переворот в политическом строе Русской земли. Так взглянули на ход дел и древние летописцы, отражая в своем взгляде впечатление современников Андрея Боголюбского. По их взгляду, со времени этого князя великое княжение, дотоле единое Киевское, разделилось на две части: князь Андрей со своей Северной Русью отделился от Руси Южной, образовал другое великое княжение, Суздальское, и сделал город Владимир великокняжеским столом для всех князей.

Отношения Андрея к родичам, городам и дружине. Рассматривая события, происшедшие в Суздальской земле при Андрее и следовавшие за его смертью, мы встречаем признаки другого переворота, совершавшегося во внутреннем строе самой Суздальской земли. Князь Андрей и дома, в управлении своей собственной волостью, действовал не по старому. По обычаю, заводившемуся с распадением княжеского рода на линии и с прекращением общей очереди владения, старший князь известной линии делил управление принадлежавшею этой линии областью с ближайшими младшими родичами, которых сажал вокруг себя по младшим городам этой области. Но в Ростовской земле среди переселенческого брожения все обычаи и отношения колебались и путались.

Юрий Долгорукий предназначал Ростовскую землю млад-

шим своим сыновьям, и старшие города Ростов с Суздаlem заранее, не по обычаю, на том ему крест целовали, что примут к себе меньших его сыновей, но по смерти Юрия позва-ли к себе старшего сына Андрея. Тот, со своей стороны, благоговейно чтит память своего отца и, однако, вопреки его воле пошел на зов нарушителей крестного целования. Но он не хотел делиться доставшейся ему областью с ближайши-ми родичами и погнал из Ростовской земли своих младших братьев как соперников, у которых перехватил наследство, а вместе с ними, кстати, прогнал и своих племянников. Корен-ные области старших городов в Русской земле управлялись, как мы знаем, двумя аристократиями, служилой и промыш-ленной, которые имели значение правительственных орудий или советников, сотрудников князя.

Резной пояс на стенах Суздальского собора. XII в.

Служилая аристократия состояла из княжеских дружинников, бояр, промышленная – из верхнего слоя неслужилого населения старших городов, который носил название лучших, или лепших, мужей и руководил областными обществами посредством демократически составленного городского веча. Вторая аристократия, впрочем, выступает в XII в. больше оппозиционной соперницей, чем сотрудницей князя. Обе эти аристократии встречаем и в Ростовской земле уже при Андреевом отце Юрии, но Андрей не поладил с обоими этими руководящими классами суздальского общества. По заведенному порядку он должен был сидеть и править в старшем городе своей волости при содействии и по соглашению с его вечем.

В Ростовской земле было два таких старших вечевых города: Ростов и Суздаль. Андрей не любил ни того, ни другого города и стал жить в знакомом ему смолоду маленьком пригороде Владимире на Клязьме, где не были в обычае вечевые сходки, сосредоточил на нем все свои заботы, укреплял и украшал, сильно устроил его, по выражению летописи, выстроил в нем великолепный соборный храм Успения, «чудную Богородицу златоверхую», в котором поставил привезенную им с юга чудотворную икону Божией Матери. Расширяя этот город, Андрей наполнил его, по замечанию одного летописного свода, «купцами хитрыми, ремесленниками и рукодельниками всякими». Благодаря этому пригород Вла-

димир при Андрее превзошел богатством и населенностью старшие города своей области. Такое необычное перенесение княжеского стола из старших городов в пригород сердило ростовцев и суздальцев, которые роптали на Андрея, говоря: «Здесь старшие города Ростов да Суздаль, а Владимир – наш пригород».

Точно так же не любил Андрей и старшей отцовой дружины. Он даже не делил с боярами своих развлечений, не брал их с собой на охоту, велел им, по выражению летописи, «особно утеху творити, где им годно», а сам ездил на охоту лишь с немногими отроками, людьми младшей дружины. Наконец, желая властвовать без раздела, Андрей погнал из Ростовской земли вслед за своими братьями и племянниками и передних мужей отца своего, т. е. больших отцовых бояр. Так поступал Андрей, по замечанию летописца, желая быть самовластцем всей Суздальской земли. За эти необычные политические стремления Андрей и заплатил жизнью. Он пал жертвой заговора, вызванного его строгостью. Андрей казнил брата своей первой жены, одного из знатных слуг своего двора, Кучковича. Брат казненного с другими придворными составил заговор, от которого и погиб Андрей в 1174 г.

Личность князя Андрея. От всей фигуры Андрея веет чем-то новым; но едва ли эта новизна была добрая. Князь Андрей был суровый и своенравный хозяин, который во всем поступал по-своему, а не по старине и обычаю. Сове-

менники заметили в нем эту двойственность, смесь силы со слабостью, власти с капризом. «Такой умник во всех делах, – говорит о нем летописец, – такой доблестный, князь Андрей погубил свой смысл невоздержанием», т. е. недостатком самообладания. Проявив в молодости на юге столько боевой доблести и политической рассудительности, он потом, живя сиднем в своем Боголюбове, наделал немало дурных дел. Собирал и посылал большие рати грабить то Киев, то Новгород, раскидывал паутину властолюбивых козней по всей Русской земле из своего темного угла, на Клязьме. Повести дела так, чтобы 400 новгородцев, на Белоозере, обратили в бегство семитысячную суздальскую рать, потом организовать такой поход на Новгород, после которого новгородцы продавали пленных суздальцев втрое дешевле овец, – все это можно было сделать и без Андреева ума.

Прогнав из Ростовской земли больших отцовых бояр, он окружил себя такой дворней, которая, в благодарность за его барские милости, отвратительно его убила и разграбила его дворец. Он был очень набожен и нищелюбив, настроил много церквей в своей области, перед заутреней сам зажигал свечи в храме, как заботливый церковный староста, велел развозить по улицам пищу и питье для больных и нищих. Отчески нежно любил свой город Владимир, хотел сделать из него другой Киев, даже с особым, вторым русским митрополитом, построил в нем известные Золотые Ворота и хотел неожиданно открыть их к городскому празднику Успе-

ния Божией Матери, сказав боярам: «Вот сойдутся люди на праздник и увидят ворота». Но известка не успела высохнуть и укрепиться к празднику, и, когда народ собрался на праздник, ворота упали и накрыли 12 зрителей. Взмолился князь Андрей к иконе Пресвятой Богородицы: «Если Ты не спасешь этих людей, я, грешный, буду повинен в их смерти». Подняли ворота, и все придавленные ими люди оказались живы и здоровы. И город Владимир был благодарен своему попечителю: гроб убитого князя разрыдавшиеся владимирцы встретили причитанием, в котором слышится зародыш исторической песни о только что угасшем богатыре.

Со времени своего побега из Вышгорода, в 1155 г., Андрей, в продолжение почти 20-летнего безвыездного сидения в своей волости, устроил в ней такую администрацию, что тотчас по смерти его там наступила полная анархия. Всюду происходили грабежи и убийства, избивали посадников, тиунов и других княжеских чиновников, и летописец с прискорбием упрекает убийц и грабителей, что они делали свои дела напрасно, потому что где закон, там и обид, несправедливостей много.

Никогда еще на Руси ни одна княжеская смерть не сопровождалась такими постыдными явлениями. Их источник надобно искать в дурном окружении, какое создал себе князь Андрей своим произволом, неразборчивостью к людям, пренебрежением к обычаям и преданиям. В заговоре против него участвовала даже его вторая жена, родом из камской

Болгарии, мстившая ему за зло, какое причинил Андрей ее родине. Летопись глухо намекает, как плохо слажено было общество, в котором вращался Андрей. «Ненавидели князя Андрея свои домашние, – говорит она, – и была брань лютая в Ростовской и Суздальской земле».

Современники готовы были видеть в Андрее проводника новых государственных стремлений. Но его образ действий возбуждает вопрос, руководился ли он достаточно обдуман-ными началами ответственного самодержавия или только инстинктами самодурства. В лице князя Андрея великоросс впервые выступал на историческую сцену, и это выступление нельзя признать удачным. В трудные минуты этот князь способен был развить громадные силы и разменялся на пустяки и ошибки в спокойные, досужие годы. Не все в образе действий Андрея было случайным явлением, делом его личного характера, исключительного темперамента. Можно думать, что его политические понятия и правительственные привычки в значительной мере были воспитаны общественной средой, в которой он вырос и действовал. Этой средой был пригород Владимир, где Андрей провел большую часть своей жизни. Суздальские пригороды составляли тогда особый мир, созданный русской колонизацией, с отношениями и понятиями, каких не знали в старых областях Руси. События, следовавшие за смертью Андрея, ярко освещают этот мир.

Усобица после его смерти. По смерти Андрея в Суз-

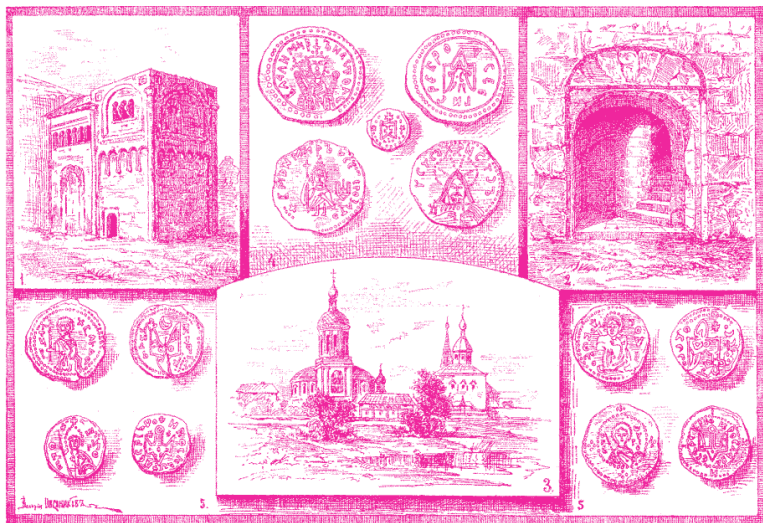
дальской земле разыгралась усобица, по происхождению своему очень похожая на княжеские усобицы в старой Киевской Руси. Случилось то, что часто бывало там: младшие дяди заспорили со старшими племянниками. Младшие братья Андрея, Михаил и Всеволод, поссорились со своими племянниками, детьми их старшего брата, давно умершего, с Мстиславом и Ярополком Ростиславичами.

Таким образом, местному населению открылась возможность выбора между князьями. Старшие города Ростов и Суздаль с боярами Ростовской земли позвали Андреевых племянников, но город Владимир, недавно ставший великокняжеским стольным городом, позвал к себе братьев Андрея, Михаила и Всеволода: из этого и вышла усобица. В борьбе сначала одержали верх племянники и сели: старший – в старшем городе области Ростове, младший – во Владимире. Но потом Владимир поднялся на племянников и на старшие города и опять призвал к себе дядей, которые на этот раз восторжествовали над соперниками, и разделили между собой Суздальскую землю, бросив старшие города и рассевшись по младшим, во Владимире и Переяславле. По смерти старшего дяди, Михаила, усобица возобновилась между младшим Всеволодом, которому присягнули владимирцы и переяславцы, и старшим племянником Мстиславом, за которого опять стали ростовцы с боярами. Мстислав проиграл дело, разбитый в двух битвах, под Юрьевом и на реке Колокше. После того Всеволод остался один хозяином в Суздаль-

ской земле. Таков был ход суздальской усобицы, длившейся два года (1174–1176).

Но по ходу своему эта северная усобица не во всем была похожа на южные: она осложнилась явлениями, каких не заметно в княжеских распрях на юге. В областях Южной Руси местное неслужилое население обыкновенно довольно равнодушно относилось к княжеским распрям. Боролись, собственно, князья и их дружины, а не земли, не целые областные общества, боролись Мономаховичи с Ольговичами, а не Киевская или Волынская земля с Черниговской, хотя областные общества волей или неволей вовлекались в борьбу князей и дружин. Напротив, в Суздальской земле местное население приняло деятельное участие в ссоре своих князей. За дядей стоял прежний пригород Владимир, недавно ставший стольным городом великого князя. Племянников дружно поддерживали старшие города земли Ростов и Суздаль, которые действовали даже энергичнее самих князей, обнаруживали чрезвычайное ожесточение против Владимира. В других областях старшие города присвоили себе право выбирать на вече посадников для своих пригородов. Ростовцы во время усобицы также говорили про Владимир: «Это наш пригород: сожжем его либо пошлем туда своего посадника; там живут наши холопы-каменщики». Ростовцы, очевидно, намекали на ремесленников, которыми Андрей населил Владимир. Но и этот пригород Владимир не действовал в борьбе одиноко: к нему примыкали другие пригороды Суздаль-

ской земли. «А с переяславцы, – замечает летописец, – имяхуть володимирцы едино сердце». И третий новый городок, Москва, тянул в ту же сторону и только из страха перед князьями-племянниками не решился принять открытое участие в борьбе.

1. Остатки терема Андрея Боголюбского в Боголюбове.

2. Выход на лестницу терема (*место убийства князя Андрея указывают за каменным столпом, поддерживающим свод*).

3. Общий вид Боголюбова.

4–5. Серебряные и золотые монеты, обращавшиеся

на Руси до конца XII в.

Земская вражда не ограничивалась даже старшими городами и пригородами: она шла глубже, захватывала все общество сверху донизу. На стороне племянников и старших городов стала и вся старшая дружина Суздальской земли; даже дружина города Владимира, в числе 1500 человек, по приказу ростовцев примкнула к старшим городам и действовала против князей, которых поддерживали горожане Владимира. Но если старшая дружина даже в пригородах стояла на стороне старших городов, то низшее население самих старших городов стало на стороне пригородов. Когда дяди в первый раз восторжествовали над племянниками, суздальцы явились к Михаилу и сказали: «Мы, князь, не воевали против тебя с Мстиславом, а были с ним одни наши бояре; так ты не сердись на нас и ступай к нам». Это говорили, очевидно, депутаты от простонародья города Суздаля. Значит, все общество Суздальской земли разделилось в борьбе горизонтально, а не вертикально: на одной стороне стали обе местные аристократии, старшая дружина и верхний слой неслужилого населения старших городов, на другой – их низшее население вместе с пригородами.

На такое социальное разделение прямо указал один из участников борьбы, дядя Всеволод. Накануне битвы под Юрьевом он хотел уладить дело без кровопролития и послал сказать племяннику Мстиславу: «Если тебя, брат, привела

старшая дружина, то ступай в Ростов, там мы и помиримся; тебя ростовцы привели и бояре, а меня с братом Бог привел да владимирцы с переяславцами».

Иван III

Великий князь Иоанн III Васильевич.

Гравюра XVI в.

Обратимся к изучению третьего периода нашей истории. Он начинается с половины XV в., точнее говоря, со вступления Ивана III на великокняжеский стол в 1462 г., и продолжается до начала XVII в. (1613), когда на московском престоле является новая династия. Я назвал этот период временем Московской Руси, или Великорусского государства.

Главные явления. Северная Русь, дотоле разбитая на самостоятельные местные миры, объединяется под одной государственной властью, носителем которой является московский государь, но он правит при содействии нового класса, вокруг него образовавшегося, – боярства. Основой народного хозяйства в этом государстве остается, по-прежнему, земледельческий труд вольного крестьянина, работающего на государственной или частной земле. Но государственная земля все более переходит в руки нового военного класса, создаваемого государством, и вместе с тем все более стесняется свобода крестьянского труда, заменяясь хозяйственной зависимостью крестьянина от служилого землевладельца. Таковы главные явления, которые в этом периоде нам предстоит изучить.

Прежде всего, попытаемся выяснить основной, так сказать центральный, факт, от которого шли или к которому сводились все эти явления. Что дает нам право положить

грань нового периода на половине XV в.? С этого времени происходят важные перемены в Русской земле, и все эти перемены идут от Московского государства и от московского государя, который правил этим государством. Вот главные действующие силы, которые в продолжение полутора ста лет этого периода ставят Русскую землю в новое положение. Но когда Иван III наследовал на московском столе своему отцу, в Русской земле еще не было ни Московского государства в тех границах, которые оно имело в конце XVI в., ни московского государя с тем политическим значением, с каким он является 100 лет спустя. Оба этих фактора еще не были готовы в 1462 г., оба являются результатами медленного и трудного процесса, совершающегося в этот самый период. Чтобы лучше понять появление этих факторов, надобно представить себе политическое положение Русской земли около половины XV в.

Русская земля в половине XV в. Весь почти север нашей равнины с северо-западным ее углом к Финскому заливу составлял область вольного Новгорода Великого, к которой на юго-западе, со стороны Ливонии, примыкала маленькая область другого вольного города, Пскова. Вся Западная Русь, т. е. Белоруссия вместе с частью Великороссии, областью Смоленской и Русь Малая с соседними краями нынешних великорусских губерний – Курской, Орловской, даже с частями Тульской и Калужской входили в состав Литовско-Польского государства. За Тулой и Рязанской землей

начиналось обширное степное пространство, тянувшееся до берегов Черного, Азовского и Каспийского морей, на котором оседлому населению Руси не удавалось основаться прочно и где господствовали татары, гнездившиеся в Крыму и на Нижней Волге. На востоке, за Средней и Верхней Волгой, господствовали татары Казанского царства, отделившиеся от Золотой Орды в первой половине XV в., затем вятчане, мало слушавшиеся московского князя, хотя Вятка числилась в его владениях, и разные инородцы Пермской земли. Собственно центральное пространство равнины представляло кучу больших и малых княжеств, среди которых находилось и княжество Московское.

Московское княжество. Обозначим в общих чертах его границы. Северная часть нынешней Московской губернии, именно Клинский уезд, принадлежала еще Тверскому княжеству. Далее на север и северо-восток, за Волгой, московские владения соприкасались или перемежались с владениями новгородскими, ростовскими, ярославскими, простираясь до слияния Сухоны и Юга. С юго-западной стороны граница с Литвой шла по Угре, в Калужской губернии; Калуга находилась на юго-западной окраине Московского княжества, а она всего в 170 верстах от Москвы. Средним течением Оки, между Калугой и Коломной, Московское княжество граничило с великим княжеством Рязанским, а нижнее течение Оки, от устья Цны, и течение Волги от Нижнего до устья Суры и Ветлуги отделяло его от мордвы и черемисы,

находившихся под властью казанских татар. Этот стесненный юго-западный угол территории и был головной частью княжества, передовым его оплотом, указывавшим, в какие стороны были обращены его боевые силы: здесь находилось их средоточие.

Город Москва в половине XV в. лежал вблизи трех окраин княжества: на севере, верстах в 80, начиналось княжество Тверское, самое враждебное Москве из русских княжеств; на юге, верстах в 100, по берегу Средней Оки шла сторожевая линия против самого беспокойного врага – татар; на западе, верстах в 100 с чем-нибудь, за Можайском в Смоленской области стояла Литва, самый опасный из врагов Москвы. С северной, западной и южной сторон неприятельским полкам достаточно было немногих переходов, чтобы дойти до Москвы.

Итак, Русская земля распадалась на множество мелких и крупных политических миров, независимых друг от друга, и среди этих миров Московское княжество было далеко не самым крупным: Литовское княжество, по большинству населения состоявшее из Руси, и область Новгорода Великого были гораздо обширнее его. Раздробленная внутри Русская земля распадалась на две половины по своему внешнему политическому положению: юго-западная половина была под властью соединенных Польши и Литвы, северо-восточная – платила дань хану Золотой Орды. Значит, положение Русской земли в половине XV в. можно определить двумя

чертами: политическое порабощение извне и политическое раздробление внутри. На всем пространстве нашей равнины, где только обитала Русь, кроме Вятки, не было деревни, которая не находилась бы под чуждым иноземным игом.

Политический состав Восточной Руси. В такой обстановке Иван III продолжал дело своих предшественников – великих князей Московских. Еще до него, на протяжении полутора столетий, мы наблюдали в истории Северной Руси два параллельных процесса: собирание земли и сосредоточение власти, постепенное территориальное расширение вотчины московских князей за счет других княжеств и постепенное материальное усиление великого князя Московского на счет удельных. Как ни были велики успехи, достигнутые Москвой, ни тот, ни другой из этих процессов далеко еще не был доведен до конца, когда Иван III вступил на стол отца и деда.

Территориальное собирание Руси Москвой не подвинулось еще настолько, чтобы захватить все самостоятельные местные миры, какие существовали в Центральной и Северной Руси. Эти миры, ждавшие своей очереди быть поглощенными Москвой, по их политическому устройству можно разделить на два разряда: то были или вольные города (Новгород, Псков, Вятка), или княжества. Последние принадлежали двум княжеским линиям – старого Святослава Черниговского и Всеволода III Суздальского – и образовали четыре группы удельных княжеств с особым великим князем

во главе каждой: то были княжества Рязанское, Ростовское, Ярославское и Тверское. С другой стороны, ни Иван III, ни его старший сын Василий не были единственными властителями Московского княжества, делили обладание им с ближайшими родичами, удельными московскими князьями, и власть великого князя не разрослась еще настолько, чтобы превратить этих удельных владетелей в простых подданных московского государя.

В. Верещагин. **Государь великий князь Иван III Васильевич**

К. Лебедев. Обручение малолетнего Ивана III с тверской княжной Марией в 1445 году

Великий князь пока поднимался над удельными не объемом власти, а только количеством силы, пространством владений и суммой доходов. У Ивана III было четыре удельных брата и двоюродный удельный дядя Михаил Верейский; у Василия III также было четыре брата. Отношения между ними по-прежнему определялись договорами, и здесь встречаем все прежние определения, повторяются знакомые нам формулы княжеских отношений, давно уже не соответствовавшие действительности. Договаривающиеся стороны продолжают притворяться, будто не замечая совершившихся пе-

ремен, как будто между ними все оставалось по-старому, хотя Иван III по пустому поводу пригрозил тюрьмой сыну Михаила Верейского и отнял у старика-дяди удел за побег этого сына в Литву.

Перемена в московском собирании Руси. Иван II продолжал старое дело территориального собирания Руси, но уже не по-старому. В удельное время территориальные приобретения московских князей носили характер или захватов, или частных хозяйственных сделок с соседними князьями. Местные общества еще не принимали заметного деятельного участия в этом территориальном объединении Руси, хотя по временам и проявлялось их нравственное тяготение к Москве. С половины XV в. становится заметно прямое вмешательство самих местных обществ в дело.

Можно заметить, что не везде одни и те же классы местных обществ обнаруживают открытое влечение к Москве. В Новгороде московская партия состояла преимущественно из простонародья с несколькими боярами, стоявшими во главе его; эта сторона ищет управы на своевольную новгородскую знать у московского великого князя. В княжеской Руси, напротив, высшие служилые классы общества тяготеют к Москве, соблазняясь выгодами службы у богатого и сильного князя. Так, в Твери еще задолго до последнего удара, нанесенного ей Москвой, местные бояре и рядовые служилые люди начали переходить на московскую службу. Когда Иван III только еще собирался в поход на Тверь за ее союз с Лит-

вой, многие тверские бояре и дети боярские стали покидать своего князя и толпами переходить в Москву; даже два тверских удельных князя перешли тогда на московскую службу. Когда Иван III подступил к Твери (1485), новая толпа тверских князей и бояр переехала в московский лагерь и била челом Ивану на службу. Тверской летописец называет этих перелетов крамольниками и считает их главными виновниками падения Тверского княжества. По замечанию другого летописца, Иван взял Тверь изменой боярскою.

То же самое явление повторилось и в другом великом княжестве – Рязанском. Это княжество присоединено было к Москве при Ивановом преемнике в 1517 г. Но задолго до этого московский государь имел там опору в главном рязанском боярине Коробьине, который и подготовил низложение своего князя. Далее, союз князей, образовавшийся под рукою московского государя из ближних и дальних его родичей еще в удельные века, теперь расширился и скрепился новыми интересами, усилившими авторитет московского государя. Прежде в этом союзе, завязавшемся по воле хана, заметно было действие преимущественно материальной силы или случайных, временных отношений. Союзные князья большею частью становились под руку московского государя, уступая его материальному давлению и его влиянию в Орде или движимые патриотическими побуждениями, по которым некоторые из них соединились с Димитрием Донским против Твери и Мамаю. Теперь этот союз расширился

под действием новой связи, входящей в его состав, – интереса религиозного. Действие этого интереса обнаруживается среди православных князей, подвластных Литве.

С половины XIII столетия в соседстве с Юго-Западной Русью начинает подниматься княжество Литовское. В XIII и XIV вв. литовские князья постепенно подчиняют себе разединенные и опустошенные княжества Западной Руси. Эта Русь со своими князьями не оказывала особенно упорного сопротивления Литве, которая освобождала ее от татарской неволи. С тех пор начинается могущественное культурное и политическое влияние Западной Руси на Литву. Уже к концу XIV в. Литва – и по составу населения, и по складу жизни – представляла из себя больше русское, чем литовское, княжество. Но в 1386 г. литовский великий князь Ягелло (Яков), воспитанный в православии своею матерью, рожденной княжной Тверской Юлианией, женился на наследнице Польского королевства Ядвиге и принял католичество. Этот династический союз Литвы и Польши завязал роковой для соединенного государства религиозно-политический узел. С тех пор началась при содействии польско-литовского правительства католическая пропаганда в Западной Руси. Пропганда эта особенно усилилась во второй половине XV в., когда Литвой правил сын Ягелло, Казимир IV. Православное русское общество оказывало стойкое противодействие католическим миссионерам. В Западной Руси начиналось сильное брожение, «замятия великая» между католиками и пра-

вославными. «Все наше православное христианство хотят окрестить, – писали оттуда, – за это наша Русь вельми ся с Литвою не любят».

Увлекаемые этим религиозным движением, и православные князья Западной Руси, еще не утратившие прежней самостоятельности в своих владениях под легкую власть великого князя Литовского, начали один за другим приставать к Москве как к своему религиозному центру. Те из них, которые могли присоединиться к Москве со своими владениями по их близости к московским границам, принимали условия зависимости, выработавшиеся в Москве для добровольно поддавшихся удельных князей. Они делались постоянными и подчиненными союзниками московского государя, обязывались служить ему, но сохраняли при себе дворы, дружины и не только оставались или становились вотчинниками своих владений, но и пользовались в них административными правами, держали свое особое управление.

В такое положение становились передававшиеся Москве владельцы мелких княжеств по Верхней Оке, потомки св. Михаила Черниговского, князья Белевские, Новосильские, Воротынские, Одоевские и другие. Примеру их последовали потомки Всеволода III, князья Черниговский и Новгород-Северский, сын Ивана Андреевича Можайского и внук Шемяки. Отцы их, когда их дело в борьбе с Василием Темным было проиграно, бежали в Литву и там получили обширные владения по Десне, Семи, Сожу и Днепру с города-

ми Черниговом и Новгород-Северским. Отец одного и дед другого были злейшими недругами Василия Темного, своего двоюродного брата, а сын и внук, стоя за православие, забыли наследственную вражду и стали подчиненными союзниками Васильева сына. Так московский союз князей, расширяясь, превращался в военную гегемонию Москвы над союзными князьями.

Приобретения Ивана III и Василия III. Таковы новые явления, которые замечаются в территориальном собирании Руси Москвой с половины XV в. Сами местные общества начинают открыто обращаться к Москве, увлекая за собой и свои правительства или увлекаемые ими. Благодаря этому тяготению московское собрание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением. Достаточно короткого перечня территориальных приобретений, сделанных Москвой при Иване III и его сыне Василии, чтобы видеть, как ускорились это политическое объединение Руси.

С половины XV в. и вольные города со своими областями, и княжества быстро входят в состав московской территории. В 1463 г. все князья Ярославские, великий с удельными, били Ивану III челом о принятии их на московскую службу и отказались от своей самостоятельности. В 1470-х годах покорен был Новгород Великий с его обширной областью в Северной Руси. В 1472 г. приведена была под руку

московского государя Пермская земля, в части которой (по р. Вычегде) начало русской колонизации положено было еще в XIV в., во времена св. Стефана Пермского. В 1474 г. князья Ростовские продали Москве остававшуюся за ними половину Ростовского княжества; другая половина еще раньше была приобретена Москвой. Эта сделка сопровождалась вступлением князей Ростовских в состав московского боярства. В 1485 г. без боя присягнула Ивану III осажденная им Тверь. В 1489 г. окончательно покорена Вятка. В 1490-х годах князья Вяземские и целый ряд мелких князей Черниговской линии – Одоевские, Новосильские, Воротынские, Мезецкие, а также упомянутые сыновья московских беглецов, князья Черниговский и Северский, все со своими владениями, захватывавшими восточную полосу Смоленской и большую часть Черниговской и Северной земель, признали над собой верховную власть московского государя. В княжение Иванова преемника присоединены были к Москве в 1510 г. Псков с его областью, в 1514 г. – Смоленское княжество, захваченное Литвой в начале XV в., в 1517 г. – княжество Рязанское; наконец, в 1517–1523 гг. княжества Черниговское и Северское включены были в число непосредственных владений Москвы. Когда северский князь Шемячич выгнал своего черниговского соседа и товарища по изгнанию из его владений, а потом и сам попал в московскую тюрьму. При восшествии Ивана III на великокняжеский стол московская территория едва ли заключала в себе более 15 тысяч квадратных

миль. Приобретения Ивана III и его сына увеличили эту территорию по меньшей мере тысяч на 40 квадратных миль.

Идея национального государства. Вместе с расширением дипломатической сцены изменяется и программа внешней политики. Эта перемена тесно связана с одной идеей, пробуждающейся в московском обществе около этого времени, – идеей национального государства. Эта идея требует тем большего внимания с нашей стороны, чем реже приходится нам отмечать прямое участие идей в образовании фактов нашей древней истории. Сознание или, скорее, чувство народного единства Русской земли – не новый факт XV–XVI вв.: это дело Киевской Руси XI–XII вв. В то время оно выражалось не столько в сознании характера и исторического назначения народа, сколько в мысли о Русской земле как общем отечестве. Трудно сказать, какое действие оказали на нее тревоги удельных веков. Но она, несомненно, тлела в народе, питаемая церковными и другими связями. Разрыв русской народности на две половины, юго-западную и северо-восточную, удельное дробление последней, иноземное иго – эти неблагоприятные условия едва ли могли содействовать прояснению мысли о народном единстве, однако были способны пробудить или поддержать смутную потребность в нем.

Я веду речь не об этой потребности, а об идее национального государства, о стремлении к политическому единству на народной основе. Эта идея возникает и усиленно разра-

батывается, прежде всего, в московской правительственной среде по мере того, как Великороссия объединялась под московской властью. Любопытно следить, в каком виде и с какою степенью понимания дела проявлялась эта идея, которая не могла не оказать влияние на ход жизни Московского княжества. Видно, во-первых, что она вырабатывается под давлением изменявшихся внешних сношений московского великого князя. Потому первой провозвестницей ее является московская дипломатия Иванова времени, и уже отсюда, из государева дворца и кремлевской канцелярии, она проникает в московское общество.

А. Кившенко. **Иван III разрывает ханскую грамоту и басму перед татарскими послами**

Прежде столкновения московских великих князей с их русскими соседями затрагивали только местные интересы и чувства москвича, тверича, рязанца, разъединявшие их друг с другом. Боролась Москва с Тверью, Рязанью. Теперь борются Русь с Польшей, Швецией, немцами. Препные войны Москвы – усобицы русских князей; теперь это борьба народов. Внешние отношения Москвы к иноплеменным соседям получают одинаковое общее значение для всего великорусского народа. Они не разъединяли, а сближали его местные части в сознании общих интересов и опасностей и поселяли мысль, что Москва – общий сторожевой пост, откуда следят за этими интересами и опасностями, одинаково близкими и для москвича, и для тверича, для всякого русского.

АВСТРИЙСКІЙ ПОСЛАНИКЪ

Представляется В. К. Иоанну III. 1491 г.

Внешние дела Москвы усиленно вызывали мысль о народности, о народном государстве. Эта мысль должна была положить свой отпечаток и на общественное сознание московских князей. Они вели свои дела во имя своего фамильного интереса. Но равнодушие или молчаливое сочувствие, с каким местные общества относились к московской уборке их удельных князей, открытое содействие высшего духовенства, усилия Москвы в борьбе с поработителями народа – все это придавало эгоистической работе московских собирателей земли характер народного дела, патриотического подвига. А совпадение их земельных стяжений с пределами Великороссии, волей-неволей заставляло их слить свой династический интерес с народным благом, выступить борцами за веру и народность. Вобрав в состав своей удельной вотчины всю Великороссию и принужденный действовать во имя народного интереса, московский государь стал заявлять требование, что все части Русской земли должны войти в состав этой вотчины. Объединявшаяся Великороссия рождала идею народного государства, но не ставила ему пределов, которые в каждый данный момент были случайностью, раздвигаясь с успехами московского оружия и с колонизационным движением великорусского народа.

Ее выражение в политике Ивана III. Вот эта идея все настойчивее начинает пробиваться в московских дипломатических бумагах со времени Ивана III. Приведу из них несколько, может быть, не самых выразительных черт. Иван

III два раза воевал со своим литовским соседом, великим князем Александром, сыном Казимира IV. Обе войны вызваны были одинаковым поводом – переходом мелких князей Черниговской земли на московскую службу. Первая война началась тотчас по смерти Казимира, в 1492 г., и прервалась в 1494 г. Женитьба Александра на дочери Ивановой не помешала второй войне (1500–1503), когда переход служилых князей из Литвы возобновился в усиленной степени. Посредником между враждующими сторонами явился приехавший в Москву посол от Папы и венгерского короля Владислава, старшего брата Александра.

В то же время (1501) Александр Литовский был избран, по смерти другого брата, Яна Альбрехта, и на польский престол. Посол жаловался в Москве на то, что московский государь захватывает вотчины у Литвы, на которые он не имеет никакого права. Московское правительство возражало на эту жалобу: «Короли Венгерский и Литовский объявляют, что хотят стоять против нас за свою вотчину; но они что называют своей вотчиной? Не те ли города и волости, с которыми русские князья пришли к ним служить или которые наши люди у Литвы побрали? Папе, надеемся, хорошо известно, что короли Владислав и Александр – вотчичи Польского королевства да Литовской земли от своих предков, а Русская земля – от наших предков из старины наша вотчина. Папа положил бы себе то на разум, гораздо ли короли поступают, что не за свою вотчину воевать с нами хотят». По этой дипло-

матической диалектике вся Русская земля, а не одна только великорусская ее половина объявлена была вотчиной московского государя. Это же заявление повторено было Москвой и по заключении перемирия с Александром в 1503 г., когда литовский великий князь стал жаловаться на московского за то, что тот не возвращает ему захваченных у Литвы земель, говоря, что ему, Александру, жаль своей вотчины. «А мне, – возражал Иван, – разве не жаль своей вотчины, Русской земли, которая за Литвой, – Киева, Смоленска и других городов?»

Во время мирных переговоров в 1503 г. московские бояре от имени Ивана III упрямо твердили польско-литовским послам: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Русская земля из старины от наших прародителей наша отчина». В то же время Иван III объявлял в Крыму, что у Москвы с Литвою прочного мира быть не может, пока московский князь не воротит своей отчины, всей Русской земли, что за Литвой, что борьба будет перемежаться только перемириями для восстановления сил, чтобы перевести дух. Эта мысль о государственном единстве Русской земли из исторического воспоминания теперь превращается в политическое притязание, которое Москва и спешила заявить во все стороны как свое неотъемлемое право.

Войны с Польшей. Таковы были два ближайших следствия, вышедшие из указанного основного факта. Благодаря новым территориальным приобретениям московских кня-

зей, 1) изменилось внешнее положение Московского княжества; 2) усложнились задачи внешней московской политики, которая теперь, когда Великая Русь образовала единое политическое целое, поставила на очередь вопрос о политическом объединении всей Русской земли. Из этого вопроса вышла вековая борьба двух соседних славянских государств – Руси и Польши.

Простой перечень войн Москвы с Польшей – Литвой при Иване III и его двух ближайших преемниках показывает, сколько тяжелого исторического предвидения было в его крымском заявлении. Две войны при нем самом, две при его сыне Василии, одна война в правление Васильевой вдовы Елены, при Иване IV война с Ливонией, сопровождавшаяся продолжительной войной, точнее говоря, двумя войнами с Польшей, поглотившими около 20 лет его царствования. Из 90 лет (1492–1582) не менее 40 ушло на борьбу с Литвой – Польшей.

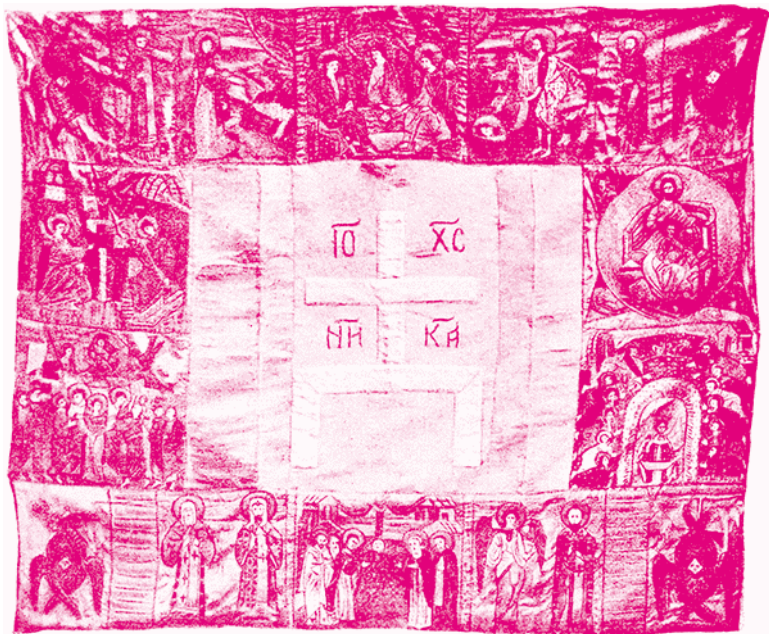
Софья Палеолог. Иван был женат два раза. Первая жена его была сестра его соседа, великого князя Тверского, Марья Борисовна. По смерти ее (1467) Иван стал искать другой жены, подальше и поважнее. Тогда в Риме проживала сирота-племянница последнего византийского императора Софья Фоминична Палеолог. Несмотря на то что греки, со времени Флорентийской унии, сильно уронили себя в русских православных глазах, и Софья жила так близко к ненавистному Папе, в таком подозрительном церковном обществе,

Иван III, одолев в себе религиозную брезгливость, выписал царевну из Италии и женился на ней в 1472 г.

Эта царевна, известная тогда в Европе своей редкой полнотой, привезла в Москву очень тонкий ум и получила здесь весьма большое значение. Бояре XVI в. приписывали ей все неприятные им нововведения, какие с того времени появились при московском дворе. Внимательный наблюдатель московской жизни барон Герберштейн, два раза приезжавший в Москву послом германского императора при Ивановом преемнике, наслушавшись боярских толков, замечает о Софье в своих «Записках», что это была женщина необыкновенно хитрая, имевшая большое влияние на великого князя, который по ее внушению сделал многое. Ее влиянию приписывали даже решимость Ивана III сбросить с себя татарское иго. В боярских рассказах и суждениях о царевне нелегко отделить наблюдение от подозрения или преувеличения, руководимого недоброжелательством.

Софья могла внушить лишь то, чем дорожила сама, и что понимали и ценили в Москве. Она могла привезти сюда предания и обычаи византийского двора, гордость своим происхождением, досаду, что идет замуж за татарского данника. В Москве ей едва ли нравилась простота обстановки и бесцеремонность отношений при дворе, где самому Ивану III приходилось выслушивать, по выражению его внука, «многие поносные и укоризненные слова» от строптивых бояр. Но в Москве и без нее не у одного Ивана III было желание из-

менить все эти старые порядки, столь не соответствовавшие новому положению московского государя, а Софья с привезенными ею греками, выдавшими и византийские, и римские виды, могла дать ценные указания, как и по каким образцам ввести желательные перемены.

Пелена, шитая великой княгиней Софией Фоминичной в 1498 г.

Хранится в ризнице Троице-Сергиевой лавры

Ей нельзя отказать во влиянии на декоративную обстановку

ку и закулисную жизнь московского двора, придворные интриги и личные отношения. Но на политические дела она могла действовать только внушениями, вторившими тайным или смутным помыслам самого Ивана. Особенно понятно во могла быть воспринята мысль, что она, царица, своим московским замужеством делает московских государей преемниками византийских императоров со всеми интересами православного Востока, какие держались за этих императоров. Потому Софья ценилась в Москве и сама себя ценила не столько как великая княгиня Московская, сколько как царица Византийская.

В Троицком Сергиевом монастыре хранится шелковая пелена, шитая руками этой великой княгини, которая вышила на ней и свое имя. Пелена эта вышита в 1498 г. В 26 лет замужества Софье, кажется, пора уже было забыть про свое девичество и прежнее византийское звание. Однако в подписи на пелене она все еще величает себя «царицею царьгородскою», а не великой княгиней Московской. И это было недаром: Софья, как царица, пользовалась в Москве правом принимать иноземные посольства. Таким образом, брак Ивана и Софьи получал значение политической демонстрации, которою заявляли всему свету, что царица, как наследница павшего Византийского дома, перенесла его державные права в Москву как в новый Царьград, где и разделяет их со своим супругом.

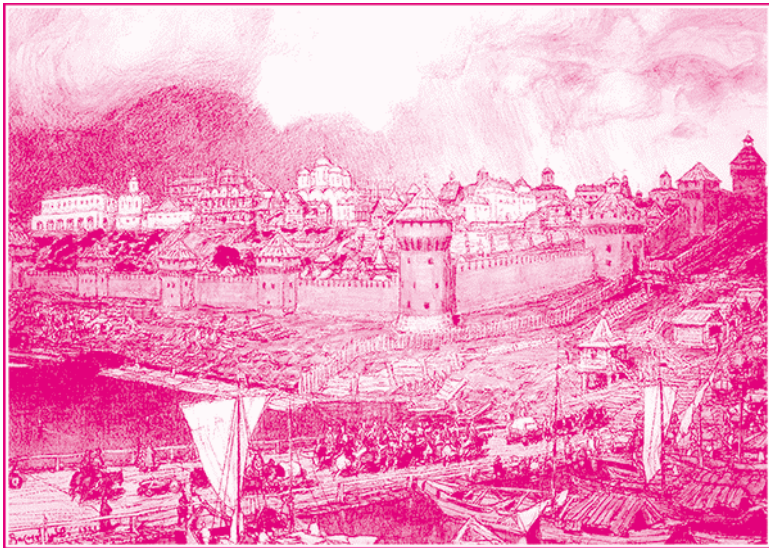
Новые титулы. Почувствовав себя в новом положении

и еще рядом с такой знатной женой, наследницей византийских императоров, Иван нашел тесной и некрасивой прежнюю кремлевскую обстановку, в какой жили его невзыскательные предки. Вслед за царевной из Италии выписаны были мастера, которые построили Ивану новый Успенский собор, Грановитую палату и новый каменный дворец на месте прежних деревянных хором. В то же время в Кремле при дворе стал заводится тот сложный и строгий церемониал, который сообщал такую чопорность и натянутость придворной московской жизни.

Точно так же, как у себя дома, в Кремле, среди придворных слуг своих, Иван начал выступать более торжественной поступью и во внешних сношениях, особенно с тех пор, как, само собою, без бою, при татарском же содействии, свалилось с плеч ордынское иго, тяготевшее над Северо-Восточной Русью два столетия (1238–1480). В московских правительственных, особенно дипломатических, бумагах с той поры является новый, более торжественный язык, складывается пышная терминология, незнакомая московским дьякам удельных веков.

Между прочим, для едва воспринятых политических понятий и тенденций не замедлили подыскать подходящее выражение в новых титулах, какие появляются в актах при имени московского государя. Это целая политическая программа, характеризующая не столько действительное, сколько искомое положение. В основу ее положены те же два представ-

ления, извлеченные московскими правительственными умами из совершавшихся событий, и оба этих представления – политические притязания. Это мысль о московском государе как о национальном властителе всей Русской земли и мысль о нем как о политическом и церковном преемнике византийских императоров. Много Руси оставалось за Литвой и Польшей, и, однако, в сношениях с западными дворами, не исключая и литовского, Иван III впервые отважился показать европейскому политическому миру притязательный титул государя всея Руси, прежде употреблявшийся лишь в домашнем обиходе, актах внутреннего управления, и в договоре 1494 г. даже заставил литовское правительство формально признать этот титул.

А. Васнецов. **Кремль при Иване III**

После того как спало с Москвы татарское иго, в сношениях с неважными иностранными правителями, например с ливонским магистром, Иван III титулует себя «царем всея Руси». Этот термин, как известно, есть сокращенная южно-славянская и русская форма латинского слова «цесарь», или, по старинному написанию, «цезарь», как от того же слова, по другому произношению, «кесарь» произошло немецкое «Kaiser». Титул царя в актах внутреннего управления при Иване III иногда, при Иване IV обыкновенно соединялся со сходным по значению титулом самодержца – это славянский

перевод византийского императорского титула. Оба термина в Древней Руси значили не то, что стали значить потом, выражали понятие не о государе с неограниченной внутренней властью, а о властителе, не зависимом ни от какой внешней власти, никому не платящем дани. На тогдашнем политическом языке оба этих термина противопоставлялись тому, что мы разумеем под словом «вассал». Памятники русской письменности до татарского ига иногда и русских князей называют царями, придавая им этот титул в знак почтения, не в смысле политического термина. Царями по преимуществу Древняя Русь до половины XV в. звала византийских императоров и ханов Золотой Орды, наиболее известных ей независимых властителей, и Иван III мог принять этот титул, только перестав быть данником хана. Свержение ига устраняло политическое к тому препятствие, а брак с Софьей давал на то историческое оправдание: Иван III мог теперь считать себя единственным оставшимся в мире православным и независимым государем, какими были византийские императоры, и верховным властителем Руси, бывшей под властью ордынских ханов.

Усвоив эти новые пышные титулы, Иван нашел, что теперь ему не пригоже называться в правительственных актах просто по-русски Иваном, государем великим князем, а начал писаться в церковной книжной форме: «Иоанн, Божиею милостию государь всея Руси». К этому титулу как историческое его оправдание привешивается длинный ряд геогра-

фических эпитетов, обозначавших новые пределы Московского государства: «Государь всея Руси и великий князь Владимирский, и Московский, и Новгородский, и Псковский, и Тверской, и Пермский, и Югорский, и Болгарский, и иных», т. е. земель. Почувствовав себя и по политическому могуществу, и по православному христианству, наконец, и по брачному родству преемником павшего дома византийских императоров, московский государь нашел и наглядное выражение своей династической связи с ними: с конца XV в. на его печатях появляется византийский герб – двуглавый орел.

Генеалогия Рюрика. Тогда мыслили не идеями, а образами, символами, обрядами, легендами, т. е. идеи развивались не в логические сочетания, а в символические действия или предполагаемые факты, для которых искали оправдания в истории. К прошлому обращались не для объяснения явлений настоящего, а для оправдания текущих интересов, подыскивали примеры для собственных притязаний.

Московским политикам начала XVI в. мало было брачного родства с Византией: хотелось породниться и по крови, притом с самым корнем или мировым образцом верховной власти – самим Римом. В московской летописи того века появляется новое родословие русских князей, ведущее их род прямо от императора Римского. По-видимому, в начале XVI в. составилось сказание, будто Август, кесарь Римский, обладатель всей вселенной, когда стал изнемогать, разделил вселенную между братьями и сродниками своими и

брата своего Пруса посадил на берегах Вислы-реки по реку, называемую Неман, что и доныне по имени его зовется Прусской землей, «а от Пруса четырнадцатое колено – великий государь Рюрик».

Московская дипломатия делала из этого сказания практическое употребление: в 1563 г. бояре царя Ивана, оправдывая его царский титул в переговорах с польскими послами, приводили словами летописи эту самую генеалогию московских Рюриковичей.

Идея Божественного происхождения власти. Изложенные подробности, не все одинаково важные сами по себе, все любопытны как своего рода символы политического мышления, выражение усиленной работы политической мысли, которая началась в московских государственных умах при новых условиях положения. В новых титулах и церемониях, какими украшала или обставляла себя власть, особенно в генеалогических и археологических легендах, какими она старалась осветить свое прошлое, сказывались успехи ее политического самосознания. В Москве чувствовали, что значительно выросли, и искали исторической и даже богословской мерки для определения своего роста. Все это вело к попытке проникнуть в сущность верховной власти, ее основания, происхождение и назначение.

Увидев себя в новом положении, московский государь нашел недостаточным прежний источник своей власти, каким служила отчина и дедина, т. е. преемство от отца и деда. Те-

перь он хотел поставить свою власть на более возвышенное основание, освободить ее от всякого земного юридического источника. Идея Божественного происхождения верховной власти была нечужда и предкам Ивана III. Но никто из них не выражал этой идеи так твердо, как он, когда представлялся к тому случай.

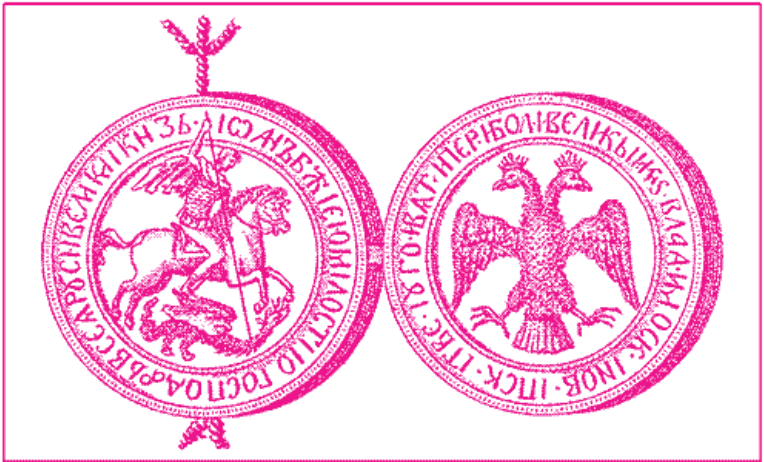
В 1486 г. некий немецкий рыцарь Поппель, странствуя по малоизвестным в Европе отдаленным краям, каким-то образом попал в Москву. Вид столицы неведомого Московского государства поразил его как политическое и географическое открытие. На католическом Западе знали преимущественно Русь Польско-Литовскую, и многие даже не подозревали существования Руси Московской. Воротясь домой, Поппель рассказывал германскому императору Фридриху III, что за Польско-Литовской Русью есть еще другая Русь, Московская, не зависящая ни от Польши, ни от татар, государь которой будет, пожалуй, посильнее и побогаче самого короля Польского. Удивленный таким неожиданным известием, император послал Поппеля в Москву просить у Ивана руки одной из его дочерей для своего племянника и, в вознаграждение за это, предложить московскому князю королевский титул. Иван благодарил за любезное предложение, но в ответ на него велел сказать послу: «А что ты нам говорил о королевстве, то мы Божиею милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы. Молим Бо-

га, чтобы нам и детям нашим дал довеку так быть, как мы теперь государи на своей земле, а поставления как прежде ни от кого не хотели, так и теперь не хотим». Подобно деду, царь Иван в беседе с польско-литовскими послами, жалуясь на то, что король Сигизмунд-Август не признает его титулов и прав, ими выражаемых, говорил, что эти права даны ему Богом и ни в чем признании не нуждаются.

Вотчина и государство. Таковы успехи, достигнутые московским политическим самосознанием путем столь разнообразных усилий. Объединение Великороссии повело к мысли о соединении всей Руси под одну властью и к стремлению придать этой власти не только всероссийское, но и вселенское значение. Но во имя чего объединили Великороссию и хотели объединить всю Русь? Иван III настойчиво заявлял, и его преемники повторяли, что вся Русская земля – их отчина. Значит, новый союз, образуемый объединявшейся Великороссией, подводился под старую политическую форму: ни из чего не видно, чтобы Иван III понимал отчину как-нибудь иначе, не так, как понимали эту форму его удельные предки. Но общественные союзы имеют свою природу, требующую соответственных ей политических форм. В удельной вотчине, где свободные обыватели находились к князю во временных договорных отношениях, ежеминутно способных порваться, князь был собственником только территории, земельного пространства с хозяйственными угодьями. Страна, населенная целым народом,

для которого она стала отечеством, соединившись под одною властью, не могла оставаться вотчинной собственностью носителей этой власти.

В Москве заявляли притязание на всю Русскую землю как на целый народ во имя государственного начала, а обладать ею хотели как отчиной на частном удельном праве. В этом состояло внутреннее противоречие того объединительного дела, которое с таким видимым успехом довершали Иван III и его преемник. Иван III, первый из московских князей громко объявлявший всю Русскую землю своей вотчиной, кажется, чувствовал это противоречие и искал из него выхода, усиливаясь согласовать свою вотчинную власть с требованиями изменившегося положения. Увидев себя государем целого православного народа, он сознавал, хотя и смутно, те новые обязанности, какие ложились на него как на поставленного свыше блюстителя народного блага. Мысль об этом мелькнула при одном случае, о котором, впрочем, узнаем далеко не из первого источника.

Печать Государственная малая (так называемая Двойная Кормчая) великого князя Иоанна III Васильевича.

Эта печать была привешена к договорной грамоте 16 июня 1504 г., заключенной по приказанию великого князя Иоанна Васильевича между детьми его, великим князем Василием Ивановичем и князем Юрием Ивановичем, в знак дружбы и согласия

В 1491 г. по договору Иван велел своим удельным братьям послать их полки на помощь своему крымскому союзнику, хану Менгли-Гирею. Удельный князь Андрей Углицкий не послушался, не послал своих полков. В Москве сначала смолчали и, когда князь Андрей приехал в столицу, при-

няли его ласково, но потом неожиданно схватили и посадили в тюрьму. Митрополит по долгу сана ходатайствовал перед великим князем за арестованного; но Иван отказался дать ему свободу, говоря, что этот князь и раньше несколько раз злоумышлял против него. «Да это бы еще ничего, – добавил Иван, – но, когда я умру, он будет искать великого княжения под внуком моим, и если даже не добудет княжения, то смутит детей моих, и станут они воевать друг с другом, а татары будут Русскую землю бить, жечь и пленить и дань опять наложат, и кровь христианская польется по-прежнему, и все мои труды останутся напрасны, и вы по-прежнему будете рабами татар». Так повествует Татищев в своем летописном своде, не указывая, откуда заимствовал слова великого князя. Во всяком случае, с тех пор как был обеспечен успех московского собирания Руси, в Иване III, его старшем сыне и внуке начинают бороться вотчинник и государь, самовластный хозяин и носитель верховной государственной власти. Это колебание между двумя началами или порядками обнаруживалось в решении важнейших вопросов, поставленных самым этим собиранием, – порядке преемства власти, ее объеме и форме. Ход политической жизни объединенной Великороссии более чем на столетие испорчен был этим колебанием, приведшим государство к глубоким потрясениям, а династию собирателей – к гибели.

Успенский собор Московского Кремля

Престолонаследие . Мы уже знаем, как еще до Ивана

фактическим, не юридическим путем устанавливался в московском княжеском доме порядок преемства великокняжеской власти в прямой нисходящей линии. Все зависело от обстоятельств и хана. Но обстоятельства и воля хана обыкновенно складывались в пользу такого порядка, и образовали обычай, в силу которого великое княжение уже с Дмитрия Донского стало не только московской отчиной, но именно отчиной старшего сына московского великого князя. Василий Темный, столько потерпевший в борьбе за этот порядок, придумал средство упрочить его, еще при своей жизни назначив старшего своего сына Ивана великим князем-соправителем. Иван хотел последовать примеру отца и старшего сына своего от первой жены, Ивана, так же назначил своим соправителем. Но соправитель умер, оставив сына Дмитрия, когда и у Софьи подрастал сын Василий.

У Ивана III получились две нисходящие и равносильные линии: представитель старшей (внук) на одно колено был ниже представителя младшей (сын). Бояре, по нелюбви к Софье, были за внука. Софья с сыном завела темную придворную интригу, которая открылась, и рассерженный Иван решил назначить соправителем и наследником внука. Но он не довольствовался простым изъяснением своей воли: недавний обычай назначать наследника, предварительно объявив его соправителем, он хотел освятить торжественным церковным венчанием избранника на великое княжение.

Из византийских коронационных обрядников выбрали

подходящие церемонии, дополнили их подходящими к случаю подробностями и составили «чин» поставления Димитрия Ивановича на великое княжение, дошедший до нас в современной рукописи. Венчание происходило в Успенском соборе в 1498 г. Великий князь-дед возложил на великого князя-внука шапку, венец и бармы, оплечье, широкий отложной воротник. Во время венчания митрополит, обращаясь к деду, называл его «преславным царем самодержцем». Торжественная минута вызвала в московском князе потребность оглянуться назад и призвать старину, историю, в оправдание нового порядка престолонаследия – в прямой нисходящей линии.

Обратясь к митрополиту, Иван сказал: «Отец митрополит! Божиим изволением от наших прародителей, великих князей, старина наша оттоле и до сих мест: отцы наши, великие князья, сыновьям своим старшим давали великое княжение; и я было сына своего первого, Ивана, при себе благословил великим княжением; но Божиею волей сын мой Иван умер; у него остался сын первый, Димитрий, и я его теперь благословляю при себе и после себя великим княжением Владимирским, Московским и Новгородским, и ты бы его, отец, на великое княжение благословил».

По прямому смыслу этих слов Иван решил при назначении преемника держаться прямой нисходящей линии в самом строгом смысле слова. Торжественное церковное венчание, освящавшее такой порядок престолонаследия, можно

считать тогдашней формой издания основных законов. Такие законы, и впереди всех закон о престолонаследии, были особенно необходимы в момент превращения непомерно расширившейся вотчины Даниловичей в Московское государство. Государство тем и отличается от вотчины, что в нем воля вотчинника уступает место государственному закону. Но Иван сам же нарушил свое столь торжественное установление. Софья успела поправить свои дела: венчанный внук был разжалован и заключен под стражу, а сын пожалован и посажен на великое княжение «самодержцем». «Разве я не волен в своем внуке и в своих детях? Кому хочу, тому и дам княжение», – сказал однажды Иван по другому случаю; здесь в нем говорил своенравный хозяин-вотчинник, а не государь, которым издан первый Судебник.

Та же мысль о произвольном выборе преемника между нисходящими выражена и в договоре, заключенном между Василием и Юрием, старшими сыновьями Ивана III, еще при его жизни и по его воле. Отец благословляет великим княжеством сына, которого хочет, невзирая на старшинство. Преемником Ивана III дан был пример, которому они следовали с печальным постоянством, – одной рукой созидать, а другой разрушать свое создание, пока не разрушили созданного ими государства.

Расширение власти великого князя. Такое же колебание заметно и в определении объема и формы верховной власти. Усиленная работа политической мысли повела не к

одному лишь накоплению новых украшений вокруг великого князя и его титула; от этой работы оставались и некоторые практические осадки. Новое значение верховной власти, постепенно уясняясь, отражалось не только на придворном церемониале, но и на государственном праве.

Иван III в своем завещании довел это усиление до небывалых размеров. Старшему своему сыну и наследнику великого княжения он одному завещал более 60 городов с уездами или целых земель с городами и пригородами, а четверем удельным его братьям, всем вместе, было дано не более 30 городов, притом большею частью малозначительных. Теперь великий князь Московский стал гораздо богаче и сильнее всех удельных своих родичей, вместе взятых. Это было практическое средство, к которому прибегали и предшественники Ивана III для обеспечения политического преобладания старшего наследника. Иван III и здесь сделал важное нововведение, в котором сказалось действие государственных идей, усиленно проникавших в сознание московского государя. Усиливая материальное преобладание старшего сына, великого князя, он в своей духовной дал ему и существенные политические преимущества над младшими удельными братьями. В этом отношении духовная Ивана есть первый акт своего рода в истории нашего государственного права: в нем видим попытку определить состав верховной власти.

Перечислю эти политические преимущества, данные великому князю над удельными.

1) До сих пор все князья-сонаследники, совместно по долям или участкам, владели городом Москвой, собирали с нее дань и пошлины, прямые и косвенные налоги; в духовной Ивана III важнейшие статьи финансового управления столицей, торговые пошлины и сборы с торговых помещений предоставлены одному великому князю, который только выдавал из них по 100 рублей (не менее 10 тысяч рублей на наши деньги) в год каждому из удельных своих братьев.

2) До сих пор удельные князья творили суд и расправу по всем делам каждый в своем участке столицы и в принадлежавших ему подмосковных селах; по духовной Ивана III, суд по важнейшим уголовным делам во всей Москве и в подмосковных станах, доставшихся в удел братьям, принадлежал исключительно великому князю.

3) До сих пор каждый владетельный князь, великий, как и удельные, бил или мог бить свою монету, и в наших нумизматических кабинетах вы найдете много экземпляров удельной монеты XIV и XV вв.; по духовной Ивана III, право чеканить монету предоставлено было одному великому князю Московскому.

4) До сих пор, согласно с удельным порядком владения, удельные князья могли располагать своими вотчинами в завещаниях по личному усмотрению. Димитрий Донской впервые ввел некоторое ограничение в это право, постановив в своей духовной, что удельный князь, умирая бессыновым, не мог никому завещать свой удел, который по смерти

бессыновного владельца делился между оставшимися братьями по усмотрению матери. В духовной Ивана III это ограничение направлено исключительно в пользу великого князя: выморочный удел весь, без раздела, переходил к последнему. Часть удела, выделенная княгине-вдове «на прожиток», оставалась в ее пользовании только до ее смерти, «до живота», а потом также отходила к великому князю.

Вред удельного владения. Видим, что духовная Ивана III определяет верховную власть великого князя только с одной стороны – по отношению к князьям удельным.

А. Васнецов. Двор удельного князя

Великий князь, прежде превосходивший удельных родичей только размерами своих владений, количеством материальных средств, теперь сосредоточил в своем лице и наибольшее количество политических прав. Преемник Ивана III вступал на великокняжеский стол более государем, чем сам Иван. Удельные братья, в первую половину Иванова княжения еще способные наделать больших хлопот великому князю, потом являются перед ним бессильными и бесправными владетелями. Они беднели и падали все более, вели хищническое управление в своих уделах и все-таки нуждались, не были в состоянии нести расходы на татар, занимали деньги у кого и сколько могли, иногда по 2 рубля на соль, и не платили процентов, умирали в больших долгах, возлагая уплату их на великого князя, которому отказывали свои уделы. В таких чертах рисуется их хозяйственное положение в их духовных грамотах.

Еще печальнее было положение удельных братьев великого князя Василия. Они иногда помышляли о побеге в Литву, но, по обнаружении замысла, униженно ходатайствовали о прощении через митрополита, монахов, московских бояр, называли себя холопами великого князя, своего «государя». С ними и не стеснялись в Москве ни при Иване, ни при Василии. Они знали, что за послушание и за крамолу по одному доносу, даже только по подозрению, их ждет московская тюрьма. Но удельное право формально признавали оба этих великих князя. Они заключали с удельными договоры

на старых условиях, как с независимыми владельцами, только обязывая их быть неотступными от великих князей «никуда ни к кому некоторыми делы», ни с кем не заключать договоров, вообще не сноситься без ведома великих князей и под их детьми, своими племянниками, великих княжеств не подыскивать. По-прежнему действуют личные обязательства вместо закона. Однако, безопасные сами по себе, по своей политической и нравственной слабости, неспособные и своих уделов устроить, не то чтобы царством править, как отозвался о своих удельных братьях великий князь Василий, они не перестали быть вредными при тогдашнем ходе дел и при складе общества того времени. Удельные предания были еще слишком свежи и кружили слабые удельные головы при всяком удобном случае.

Удельный князь был крамольник если не по природе, то по положению. За него цеплялась всякая интрига, заплетавшаяся в сбродной придворной толпе. В московском Кремле от него ежеминутно ожидали смуты. Всего более боялись его побега за границу, в Литву, хотя эта опасность была, может быть, лучшим средством освободить государство от этих, ни на что не пригодных, остатков безнравственной старины, как это средство избавило Василия Темного от его злейших врагов, князей Можайского и Шемячича.

Формальное, т. е. притворное, признание удельного права, не соответствовавшее действительным отношениям, внося фальшь в государственную жизнь, мешало московским

государям уяснить себе и проводить одно из основных начал государственного порядка – единство, цельность верховной власти. Печальный опыт отца и свой собственный заставил Ивана III тревожно задуматься над мыслью о такой власти. Московский посланец от его имени говорил в Вильне его дочери, великой княгине Литовской: «Слыхал я, каково было нестроение в Литовской земле, коли было государей много, а и в нашей земле, слыхала ты, каково было нестроение при моем отце, а после отца – каковы были дела и у меня с братьями, надеюсь, слыхала же, а иное и сама помнишь».

Взгляд общества на государя. До конца XV в. это отношение отличалось простотой удельного времени, и еще не заметно было следов того почитания, своего рода культа, которым впоследствии был окружен московский государь. В 1480 г., во время нашествия хана Ахмата, Иван III, постояв с полками на Оке, покинул армию и воротился в Москву. Столица была в смятении; горожане сносили в Кремль свои пожитки, ожидая татарской осады. Увидев возвращавшегося великого князя, они подступили к нему с жалобами и говорили ему, по свидетельству летописи: «Когда ты, государь, княжишь над нами в мирное время, тогда нас много понапрасну обременяешь поборами, а теперь сам, рассердив хана, не заплатив ему выхода, нас же выдаешь татарам». Престарелый ростовский архиепископ Вассиан встретил великого князя еще более резкими упреками, начал «зло говорить ему», называя его «бегуном», трусом и грозя, что на

нем взыщется кровь христианская, которая прольется от татар.

Московский Кремль в XVI в.

Приведем еще эпизод из княжения Иванова преемника. И в это время еще не исчезли прежние простые отношения подданных к государю. Тогда в Москве заподозрили по доносу в злом умысле государева брата, удельного дмитровского князя Юрия, и решили дождаться его приезда в столицу, чтобы арестовать его. Узнав об этом, Юрий обратился к волоколамскому игумену преподобному Иосифу, жалуясь ему, что в Москве слушают наветников, и прося игумена съездить в Москву походатайствовать за него перед великим князем.

Иосиф уговаривал удельного князя не противиться великому: «Преклони главу твою пред помазанником Божиим и покорись ему».

Юрий отвечал на это: «Будь мне вместо отца родного; я по твоему наставлению не буду против государя, готов все терпеть от него, даже самую смерть, только съезди к нему». Иосиф послал к великому князю двух старцев своего монастыря. Не соблюдая обычных правил вежливости, не поздоровавшись и не спросив о здоровье игумена, Василий встретил посланных сердитыми словами: «Зачем пришли, какое вам до меня дело?» Тогда один из старцев начал наставительно пенять великому князю, что государю не подобает так выходить из себя, не разузнав наперед, в чем дело, а следует расспросить хорошенько и выслушать с кротостью и смирением.

Великий князь смутился, встал и, улыбаясь, сказал: «Ну, простите, старцы, я пошутил». Затем, сняв шапку, он поклонился старцам и спросил о здоровье игумена. Тогда уже пошла речь о деле, и великий князь уважил ходатайство Иосифа, помирился с братом. Это было до 1515 г., когда умер Иосиф. Так еще в начале XVI в. по временам проявлялись простые удельные отношения подданных к своему государю; но эти отношения исчезали быстро вместе с последними уделами.

Уже при Иване III, еще более при Василии, верховная власть окружала себя тем ореолом, который так резко от-

делил московского государя от всего остального общества. Посол императора Германского Герберштейн, наблюдавший Москву при Василии, замечает, что этот великий князь докончил то, что начал его отец, и властью своею над подданными превосходит едва ли не всех монархов на свете. Он добавляет, что в Москве говорят про великого князя: «Воля государева – Божия воля, государь – исполнитель воли Божией». Когда москвичей спрашивают о каком-нибудь неизвестном им или сомнительном деле, они отвечают затверженными выражениями: «Мы того не знаем, знает то Бог да великий государь». По словам Герберштейна, они даже величали своего государя ключником и постельничим Божиим, применяя язык московского двора к столь возвышенным отношениям. Так уже ко времени Василиева преемника, Ивана IV, в Москве был готов тот кодекс политических понятий, которым так долго жила потом Московская Русь.

Таким образом, идея государственного объединения всей Русской земли, национального значения московского государя, свыше возложенного на него полномочия блюсти народное благо, – эти идеи вместе с первыми попытками установить состав верховной власти, единой и неделимой, надобно признать значительными успехами для московских умов того времени. Впрочем, значение этих успехов ограничилось бы историей понятий, если бы они не сопровождались соответственным движением общественного и государственного порядка.

Мы видели, как, вследствие политического объединения Великороссии, изменились и состав и настроение московского боярства. Эта перемена неизбежно должна была изменить и добрые отношения, существовавшие между московским государем и его боярством в удельные века.

Отношение бояр к великому князю в удельные века. Эта перемена отношений была неизбежным последствием того же самого процесса, которым были созданы власть московского государя и его новое боярство. В удельные века боярин ехал на службу в Москву, ища здесь служебных выгод. Эти выгоды росли для служилого человека вместе с успехами его хозяина. Это устанавливало единство интересов между обеими сторонами. Вот почему московские бояре во весь XIV в. дружно помогали своему государю в его внешних делах и усердно радели ему во внутреннем управлении. Тесная связь, задушевность отношений между обеими сторонами яркой чертой проходят по московским памятникам того века.

Великий князь Семен Гордый пишет, обращаясь в духовной к своим младшим братьям с предсмертными наставлениями: «Слушали бы вы во всем отца нашего, владыки Алексея, да старых бояр, кто хотел отцу нашему добра и нам». Еще задушевнее выступают эти отношения в написанной современником биографии великого князя Дмитрия Донского, который и великокняжеским столом был обязан своим боярам. Обращаясь к своим детям, великий князь говорил:

«Бояр своих любите, честь им достойную воздавайте по их службе, без воли их ничего не делайте». Обратившись затем к самим боярам, великий князь в сочувственных словах напомнил им, как он работал вместе с ними в делах внутренних и внешних, как они укрепляли княжение, как стали страшны недругам Русской земли. Между прочим, Димитрий сказал своим сотрудникам: «Я всех вас любил и в чести держал, веселился с вами, с вами и скорбел, и вы назывались у меня не боярами, а князьями земли моей».

Перемена отношений. Эти хорошие отношения и стали расстраиваться с конца XV в. Новые, титулованные бояре шли в Москву не за новыми служебными выгодами, а большею частью с горьким чувством сожаления об утраченных выгодах удельной самостоятельности. Теперь только нужда и неволя привязывали новое московское боярство к Москве, и оно не могло любить этого нового места своего служения. Разошедшись в интересах, обе стороны еще более разошлись в политических чувствах, хотя эти чувства выходили из одного источника. Одни и те же обстоятельства, с одной стороны, поставили московского великого князя на высоту национального государя с широкой властью, с другой – навязали ему правительственный класс с притязательными политическими вкусами и стремлениями и со стеснительной для верховной власти сословной организацией.

Почувствовав себя в сборе вокруг московского Кремля, титулованные бояре стали смотреть на себя, как не смели

смотреть московские бояре удельного времени. Почувствовав себя государем объединенной Великой Руси, великий князь Московский с трудом переносил и прежние свои отношения к боярам как вольным слугам по договору, и со всем не мог ужиться с новыми их притязаниями на раздел власти. Одна и та же причина – объединение Великороссии – сделала московскую верховную власть менее терпеливой и уступчивой, а московское боярство – более притязательным и заносчивым.

Таким образом, одни и те же исторические обстоятельства разрушили единство интересов между обеими политическими силами, а разъединение интересов расстроило гармонию их взаимных отношений. Отсюда и вышел ряд столкновений между московским государем и его боярами. Эти столкновения вносят драматическое оживление в монотонную и церемонную жизнь московского двора того времени и производят впечатление политической борьбы московского государя с его непокорным боярством. Впрочем, это была довольно своеобразная борьба, как по приемам борцов, так и по руководившим ею побуждениям. Отстаивая свои притязания, бояре не поднимались открыто против своего государя, не брали в руки оружия, даже не вели дружной политической оппозиции против него. Столкновения разрешались обыкновенно придворными интригами и опалами, немилостями, происхождение которых иногда трудно разобрать. Это скорее придворная вражда, иногда довольно молчаливая, чем

открытая политическая борьба, скорее пантомима, чем драма.

Столкновения. Эти столкновения с особенной силой обнаруживались два раза, и каждый раз по одинаковому поводу – по вопросу о престолонаследии. Иван III, как мы знаем, сперва назначил своим наследником внука Димитрия и венчал его на великое княжение, а потом развенчал, назначив преемником сына своего от второй жены, Василия. В этом семейном столкновении боярство стало за внука и противодействовало сыну из нелюбви к его матери и к принесенным ею византийским понятиям и внушениям, тогда как на стороне Василия оказались все малые, худые служилые люди. Столкновение доходило до сильного раздражения с обеих сторон, вызвало шумные ссоры при дворе, резкие выходки со стороны бояр, – кажется, даже что-то похожее на крамолу. По крайней мере, сын Василия, царь Иван, жаловался после, что бояре на его отца вместе с племянником последнего, Димитрием, «многие пагубные смерти умышляли», даже самому государю-деду «многие поносные и укоризненные слова говорили». Но как шло дело, чего именно добивались бояре, в подробностях это остается не совсем ясным. Только через год после венчания Димитрия (1499) пострадали за противодействие Василию знатнейшие московские бояре: князю Семену Ряполовскому-Стародубскому отрубили голову, а его сторонников – князя И. Ю. Патрикеева с сыном Василием, знаменитым впоследствии старцем Вассианом Косым,

насильно постригли в монашество.

Неясность причины разлада. Во всех этих столкновениях, прорывавшихся в продолжение трех поколений, можно разглядеть поводы, их вызывавшие, но побуждения, руководившие ссорившимися сторонами, питавшие взаимную неприязнь, не высказываются достаточно внятно ни той, ни другой стороной.

Иван III глухо жаловался на неуступчивость, строптивость своих бояр. Отправляя в Польшу послов, вскоре после дела о наследнике, Иван, между прочим, давал им такое наставление: «Смотрите, чтобы во всем между вами гладко было, пили бы бережно, не допьяна, и во всем бы себя берегли, а не поступали бы так, как князь Семен Ряполовский высокоумничал с князем Василием, сыном Ивана Юрьевича (Патрикеева)».

Иван Никитич Берсень- Беклемишев и Максим Грек

Древний образ преподобного Максима Грека

Несколько явственнее выступают чувства и стремления оппозиционной боярской знати в княжение Василия. До нас дошел от того времени памятник, вскрывающий политическое настроение боярской стороны, – это отрывок следственного дела об думном человеке Иване Никитиче Берсене-Беклемишеве (1525). Берсень, далеко не принадлежавший к первостепенной знати, был человек упрямый, неуступчивый. В то время проживал в Москве вызванный с Афона для перевода с греческого Толковой Псалтири ученый монах Максим Грек. Это был человек образованный, знакомый с католическим Западом и его наукой, учившийся в Париже, Флоренции и Венеции. Он привлек к себе любопытных людей из московской знати, которые приходили к нему побеседовать и поспорить «о книгах и цареградских обычаях», так что Максимова келья в подмосковном Симоновом монастыре стала похожа на ученый клуб.

Любопытно, что наиболее обычными гостями Максима были все люди из оппозиционной знати: между ними встречаем и князя Андрея Холмского, двоюродного племянника опального боярина, и В. М. Тучкова, сына боярина Тучкова, наиболее грубившего Ивану III, по свидетельству Грозного. Но самым близким гостем и собеседником Максима был Иван Никитич Берсень, с которым он часто и подолгу сживал с глазу на глаз.

Берсень находился в это время в немилости и удалении от двора, оправдывая свое колючее прозвище (*берсень* – крыжовник). Иван Никитич раз в Думе что-то резко возразил государю при обсуждении вопроса о Смоленске. Великий князь рассердился и выгнал его из совета, сказав: «Пошел, смерд, вон, ты мне не надобен». В беседах с Максимом Берсень и изливал свои огорченные чувства, в которых можно видеть отражение политических дум тогдашнего боярства.

Передам их беседы, как они записаны были на допросах. Это очень редкий случай, когда мы можем подслушать интимный политический разговор в Москве XVI в.

Беседы Берсеня с Максимом Греком. Опальный советник, конечно, очень раздражен. Он ничем не доволен в Московском государстве: ни людьми, ни порядками. «Про здешние люди есми молвил, что ныне в людях правды нет». Всего более недоволен он своим государем и не хочет скрывать своего недовольства перед иноземцем.

«Вот, – говорил Берсень старцу Максиму, – у вас в Царьграде цари теперь басурманские, гонители; настали для вас злые времена, и как-то вы с ними перебиваетесь?» – «Правда, – отвечал Максим, – цари у нас нечестивые, однако в церковные дела у нас они не вступаются». – «Ну, – возразил Берсень, – хоть у вас цари и нечестивые, да ежели так поступают, стало быть, у вас еще есть Бог».

И как бы в оправдание проглоченной мысли, что в Москве уже нет Бога, опальный советник пожаловался Максиму на

московского митрополита, который, в угоду государю, не ходатайствует по долгу сана за опальных, и вдруг, давая волю своему возбужденному пессимизму, Берсень обрушился и на своего собеседника: «Да вот и тебя, господин Максим, взяли мы со Св. Горы, а какую пользу от тебя получили?» – «Я – сиротина, – отвечал Максим обидчиво, – какой же от меня и пользе быть?» – «Нет, – возразил Берсень, – ты человек разумный и мог бы нам пользу принести, и пригоже нам было тебя спрашивать, как государю землю свою устроить, как людей награждать и как митрополиту вести себя». – «У вас есть книги и правила, – сказал Максим, – можете и сами устроиться».

Берсень хотел сказать, что государь в устройении своей земли не спрашивал и не слушал разумных советов и потому строил ее неудовлетворительно. Это «несоветие», «высокоумие», кажется, всего больше огорчало Берсеня в образе действия великого князя Василия. Он еще снисходительно относился к Васильеву отцу. Иван III, по его словам, был добр и до людей ласков, а потому и Бог помогал ему во всем; он любил «встречу», возражение против себя. «А нынешний государь, – жаловался Берсень, – не таков: людей мало жалует, упрям, встречи против себя не любит и раздражается на тех, кто ему встречу говорит».

Итак, Берсень очень недоволен государем; но это недовольство совершенно консервативного характера. С недавнего времени старые московские порядки стали шататься, и

шатать их стал сам государь – вот на что особенно жаловался Берсень. При этом он излагал целую философию политического консерватизма.

«Сам ты знаешь, – говорил он Максиму, – да и мы слышали от разумных людей, что которая земля перестанавливает свои обычаи, та земля недолго стоит, а здесь у нас старые обычаи нынешний великий князь переменяет: так какого же добра и ждать от нас?» Максим возразил, что Бог наказывает народы за нарушение Его заповедей, но что обычаи царские и земские переменяются государями по соображению обстоятельств и государственных интересов. «Так-то так, – возразил Берсень, – а все-таки лучше старых обычаев держаться, людей жаловать и стариков почитать; а ныне государь наш, запершись сам-третей у постели, всякие дела делает».

Этой переменой обычаев Берсень объясняет внешние затруднения и внутренние неурядицы, какие тогда переживала Русская земля. Первой виновницей этого отступничества от старых обычаев, сеятельницей этой измены родной старине Берсень считает мать великого князя. «Как пришли сюда греки, – говорил он Максиму, – так земля наша и замешалась, а до тех пор земля наша Русская в мире и тишине жила. Как пришла сюда мать великого князя, великая княгиня Софья, с вашими греками, так и пошли у нас нестроения великие, как и у вас в Царегороде при ваших царях». Максим Грек счел долгом заступиться за землячку и возразил: «Великая княгиня Софья с обеих сторон была роду ве-

ликого – по отцу царского роду царегородского, а по матери – великого дуксуса Феррарийского Италийской страны». – «Господин! какова бы она ни была, да к нашему нестроению пришла», – так заключил Берсень свою беседу.

Итак, если Берсень точно выражал взгляды современно-го ему оппозиционного боярства, оно было недовольно нарушением установленных обычаем правительственных порядков, недоверием государя к своим боярам. Тем, что рядом с Боярской думой он завел особый интимный кабинет из немногих доверенных лиц, с которыми предварительно обсуждал и даже предрешал государственные вопросы, подлежащие восхождению в Боярскую думу. Берсень не требует никаких новых прав для боярства, а только отстаивает старые обычаи, нарушаемые государем; он – оппозиционный консерватор, противник государя, потому что стоит против вводимых государем перемен.

Знатные москвичи, знатный русский воин и знатный татарский воин (справа).

Гравюра XVI в.

Иван Грозный

Иоанн IV Грозный.

По рисунку XVI в.

Детство. Царь Иван родился в 1530 г. От природы он получил ум бойкий и гибкий, вдумчивый и немного насмешливый, настоящий великорусский, московский ум. Но обстоятельства, среди которых протекло детство Ивана, рано испортили этот ум, дали ему неестественное, болезненное развитие. Иван рано осиротел – на четвертом году лишился отца, а на восьмом потерял и мать. Он с детства видел себя среди чужих людей. В душе его рано и глубоко врезалось и всю жизнь сохранялось чувство сиротства, брошенности, одиночества, о чем он твердил при всяком случае: «Родственники мои не заботились обо мне». Отсюда его робость, ставшая основной чертой его характера. Как все люди, выросшие среди чужих, без отцовского призора и материнского привета, Иван рано усвоил себе привычку ходить оглядываясь и прислушиваясь. Это развило в нем подозрительность, которая с годами превратилась в глубокое недоверие к людям.

В детстве ему часто приходилось испытывать равнодушие или пренебрежение со стороны окружающих. Он сам вспоминал после в письме к князю Курбскому, как его с младшим братом Юрием в детстве стесняли во всем, держали как убогих людей, плохо кормили и одевали, ни в чем воли не давали, все заставляли делать насильно и не по возрасту. В торжественные, церемониальные случаи – при выходе или при-

еме послов – его окружали царственной пышностью, становились вокруг него с раболепным смирением, а в будни те же люди не церемонились с ним, порой баловали, порой дразнили. Играют они, бывало, с братом Юрием в спальне покойного отца, а первенствующий боярин князь И. В. Шуйский развалится перед ними на лавке, обопрется локтем о постель покойного государя, их отца, и ногу на нее положит, не обращая на детей никакого внимания, ни отеческого, ни даже властительного. Горечь, с какою Иван вспоминал об этом 25 лет спустя, дает почувствовать, как часто и сильно его сердили в детстве. Его ласкали как государя и оскорбляли как ребенка.

Но в обстановке, в какой шло его детство, он не всегда мог тотчас и прямо обнаружить чувство досады или злости, сорвать сердце. Эта необходимость сдерживаться, дуться в рукав, глотать слезы питала в нем раздражительность и затаенное, молчаливое озлобление против людей, злость со стиснутыми зубами. К тому же он был испуган в детстве. В 1542 г., когда правила партия князей Бельских, сторонники князя И. Шуйского ночью врасплох напали на стоявшего за их противников митрополита Иоасафа. Владыка скрылся во дворце великого князя. Мятежники разбили окна у митрополита, бросились за ним во дворец и на рассвете вломились с шумом в спальню маленького государя, разбудили и напугали его.

Влияние боярского правления. Безобразные сцены

боярского своеволия и насилий, среди которых рос Иван, были первыми политическими его впечатлениями. Они превратили его робость в нервную пугливость, из которой с годами развилась склонность преувеличивать опасность, образовалось то, что называется страхом с великими глазами. Вечно тревожный и подозрительный, Иван рано привык думать, что окружен только врагами, и воспитал в себе печальную склонность высматривать, как плетется вокруг него бесконечная сеть козней, которою, чудилось ему, стараются опутать его со всех сторон. Это заставляло его постоянно держаться настороже; мысль, что вот-вот из-за угла на него бросится недруг, стала привычным, ежеминутным его ожиданием. Всего сильнее работал в нем инстинкт самосохранения. Все усилия его бойкого ума были обращены на разработку этого грубого чувства.

Ранняя развитость и возбуждаемость. Как все люди, слишком рано начавшие борьбу за существование, Иван быстро рос и преждевременно вырос. В 17–20 лет, при выходе из детства, он уже поражал окружающих непомерным количеством пережитых впечатлений и передуманных мыслей, до которых его предки не додумывались и в зрелом возрасте. В 1546 г., когда ему было 16 лет, среди ребяческих игр он, по рассказу летописи, вдруг заговорил с боярами о женитьбе, да говорил так обдуманно, с такими предусмотрительными политическими соображениями, что бояре расплакались от умиления, что царь так молод, а уж так много подумал, ни с

кем не посоветовавшись, от всех утаившись. Эта ранняя привычка к тревожному уединенному размышлению «про себя, втихомолку», надорвала мысль Ивана, развила в нем болезненную впечатлительность и возбуждаемость.

Иван рано потерял равновесие своих духовных сил, умные направлять их, когда нужно, разделять их работу или сдерживать одну противодействием другой, рано привык вводить в деятельность ума участие чувства. О чем бы он ни размышлял, он подгонял, подзадоривал свою мысль страстью. С помощью такого самовнушения он был способен разгорячить свою голову до отважных и высоких помыслов, раскалить свою речь до блестящего красноречия. И тогда с его языка или из-под его пера, как от горячего железа под молотком кузнеца, сыпались искры остроумия, колкие насмешки, меткие словца, неожиданные обороты. Иван – один из лучших московских ораторов и писателей XVI в., потому что был самый раздраженный москвич того времени. В сочинениях, написанных под диктовку страсти и раздражения, он больше заражает, чем убеждает, поражает жаром речи, гибкостью ума, изворотливостью диалектики, блеском мысли. Но это фосфорический блеск, лишенный теплоты, это не вдохновение, а горячка головы, нервическая прыть, следствие искусственного возбуждения.

Силовертовъ, раскрывъ Св. Писаніе предъ Царемъ Иоанномъ IV, заклинаетъ его быть ревностнымъ исполнителемъ уставовъ, 1547. годъ.

Читая письма царя к князю Курбскому, поражаешься быстрой сменой в авторе самых разнообразных чувств: порывы великодушия и раскаяния, проблески глубокой задушевности чередуются с грубой шуткой, жестким озлоблением, холодным презрением к людям. Минуты усиленной работы ума и чувства сменялись полным упадком утомленных душевных сил, и тогда от всего его остроумия не оставалось и простого здравого смысла. В эти минуты умственного изнеможения и нравственной опущенности он способен был на затеи, лишённые всякой сообразительности.

Изображение Иоанна IV Васильевича в молодые годы, приведенное в рукописи «Казанский летописец», хранящейся в Академии наук в Петербурге

Быстро перегорая, такие люди со временем, когда в них слабеет возбуждаемость, прибегают обыкновенно к искусственному средству, вину, и Иван в годы опричнины, кажется, не чуждался этого средства. Такой нравственной неровностью, чередованием высоких подъемов духа с самыми постыдными падениями, объясняется и государственная деятельность Ивана. Царь совершил или задумывал много хорошего, умного, даже великого, и рядом с этим наделал еще больше поступков, которые сделали его предметом ужаса и отвращения для современников и последующих поколений. Разгром Новгорода по одному подозрению в измене, московские казни, убийство сына и митрополита Филиппа, безобразия с опричниками в Москве и в Александровской слободе, – читая обо всем этом, подумаешь, что это был зверь от природы.

Нравственная неуравновешенность. Но он не был таким. По природе или воспитанию он был лишен устойчивого нравственного равновесия и, при малейшем житейском затруднении, охотнее склонялся в дурную сторону. От него ежеминутно можно было ожидать грубой выходки: он не умел сладить с малейшим неприятным случаем. В 1577 г., на улице в завоеванном ливонском городе Кокенгаузене, он благодушно беседовал с пастором о любимых своих богословских предметах, но едва не приказал его казнить, когда тот неосторожно сравнил Лютера с апостолом Павлом, ударил пастора хлыстом по голове и ускакал со словами: «Поди

ты к черту со своим Лютером».

В другое время он велел изрубить присланного ему из Персии слона, не хотевшего стать перед ним на колена. Ему недоставало внутреннего, природного благородства. Он был восприимчивее к дурным, чем к добрым, впечатлениям. Он принадлежал к числу тех недобрых людей, которые скорее и охотнее замечают в других слабости и недостатки, чем дарования или хорошие качества. В каждом встречном он, прежде всего, видел врага. Всего труднее было приобрести его доверие. Для этого таким людям надобно ежеминутно давать чувствовать, что их любят и уважают, всецело им преданы, и, кому удавалось уверить в этом царя Ивана, тот пользовался его доверием до излишества. Тогда в нем вскрывалось свойство, облегчающее таким людям тягость постоянно напряженного злого настроения, – это привязчивость. Первую жену свою он любил какой-то особенно чувствительной, нестроеновской любовью. Так же безотчетно он привязывался к Сильвестру и Адашеву, а потом и к Малюте Скуратову. Это соединение привязчивости и недоверчивости выразительно сказалось в духовной Ивана, где он дает детям наставление, «как людей любить и жаловать и как их беречься». Эта двойственность характера и лишала его устойчивости. Житейские отношения больше тревожили и злили его, чем заставляли размышлять.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.